

Роман Булгар

Офицеры



За грань

Книга третья



Роман Булгар

**Офицеры. Книга
третья. За гранью**

«Издательские решения»

Булгар Р.

Офицеры. Книга третья. За гранью / Р. Булгар —
«Издательские решения»,

Трилогия «Офицеры» повествуют о самых простых людях, которые живут и ходят рядом с нами. Книга об армии, взгляд на нее, на ее проблемы изнутри глазами тех, кто на своих плечах выносил все тяготы и лишения воинской службы, тех, кто не шагал легко по ступенькам служебной лестницы, движимый вверх всемогущими членами особой военной касты.

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Глава первая	12
1	12
2	16
3	24
4	31
5	41
6	49
Глава вторая	55
1	55
2	62
3	68
4	73
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Офицеры

Книга третья. За гранью

Роман Булгар

© Роман Булгар, 2016

© Издательство «Отечество», дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Если вы держите в своих руках книгу третью «За гранью» трилогии «Офицеры», то надо полагать, у вас нашлось время и желание прочитать и первые две книги. И вы с интересом захотите узнать, что происходило с нашими героями, как складывалась их судьба после того, как мы с ними расстались, перевернув последнюю страничку «У края».

А если вам не довелось прожить с действующими лицами первые две части трилогии, вы легко войдете в курс событий, окунувшись в чтение третьей книги. И вам станут понятны мысли и чаяния того поколения, чья юность и молодость пришлись на последние десятилетия советской эпохи.

Книга «За гранью» привлекательна для тех, у кого есть желание постичь внутреннюю «кухню» армейской жизни в отдельных военных городках.

Роман поможет узнать, чем реально «дышала» армия в отличие от тех произведений, в которых, кроме вымысла и конъюнктурного «сгущения» красок, сочных гротескных мазков и злобных памфлетов, реального ничего не показано. «За гранью» – это слепок не только с армейской жизни.

Главные герои и действующие лица романа – это самые обычные люди, которые живут среди нас, в которых многие смогут узнать самих себя.

Эти люди живут, служат. По разным причинам и соображениям пришли они в армию. У одних служить получается, у других – не очень. По-своему и совершенно не похоже одна на другую складываются их судьбы.

За одними стоят могущественные силы, что мощным локомотивом толкают их вверх по карьерной лестнице. Но всегда ли протекционизм идет им на пользу и помогает в жизни? Далеко не факт...

Другие отчаянно карабкаются, легко переступая через своих товарищей, поступаясь своей совестью, совершая не совсем благовидные поступки. Они ничем не гнушаются, ничто их не останавливает. Карьеристы и рвачи готовы на все ради того, чтобы достичь своей цели.

Но больше, конечно, тех, кто служит честно, целиком опираясь на свои силы и свой профессионализм. И именно им труднее всего приходится в нашем мире, который насквозь пропитан всепроникающей коррупцией.

Нелегко приходится молодому лейтенанту, попавшему после выпуска служить в ГСВГ – Группу советских войск в Германии.

В Союзе осталась его жена, с которой он порвал все отношения накануне своего отъезда. Постепенно в его жизнь вошла другая женщина. Простит ли парня законная супруга, узнав про мужа всю правду? Не отвернется ли она, затаив на него жгучую обиду? Смогут ли они после всего снова жить вместе и растить свою маленькую дочь, только-только появившуюся на свет?

Прочитайте роман, и вы все узнаете сами...

Пролог

Грязно-желтая ящерица замерла, изумрудами поблескивали ее яркие глаза. Длинный хрящеватый хвост, найдя подрагивающую в зное тень, растворился посреди осыпающихся песчинок. Узкий язык, ловя слабый ветерок, медленно ходил из стороны в сторону. Кожные чешуйки рептилии раскрылись, насыщая тело влагой.

Тощий тушканчик застыл ушастым пограничным столбиком, с пригорка наблюдая за тем, как на открытой площадке копошились странные существа, рыли ямы, обкладывали окопы дерном.

– Шевелись, салага! – подтрунивал над молодым солдатом сержант с бронзовым загаром на лице. – Чем глубже окоп, тем в большей безопасности находится твой драгоценный зад...

Укрытые маскировочными сетями замерли самоходные 152-мм гаубицы 2С19 «Мста-С». Хищно выглядывали их выкрашенные изнутри в красный цвет щелевые дульные тормоза.

– Поддай ключ на двадцать семь! – донеслось из люка. – Кончай, очкарик, носить компрессию ведрами...

Чумазы механики-водители обслуживали ходовую часть САУ на базе танка Т-80, осматривали двигатель марки В-84А, способный работать на шести видах топлива, проверяли натяжение гусениц, оснащенных резинометаллическими шарнирами и обрешиненной беговой дорожкой.

– Зараза! Оптическая ось прицела потрескалась! – картинно сокрушался наводчик орудия, вешая тоннами «лапшу» на уши неопытному и неискушенному в их тонкостях заряжающему.

Орудийные расчеты ковырялись в башнях возле орудий 2А64, проверяли боезапас, механизмы заряжания, конвейеры для подачи боеприпасов с грунта...

– Не спать! – старший лейтенант заглянул в открытый люк. – Солнце еще высоко! Негры на плантации...

На небольшом удалении выделенные из составов расчетов бойцы разгружали боеприпасы.

– Осторожно, мать твою...

– Как долбанет, вмиг до Америки «рыбкой» долетишь...

Отдельно выкладывали осколочно-фугасные снаряды ЗОФ45 с дальностью стрельбы на 24700 и активно-реактивные снаряды ЗОФ61 с радиусом поражения до 29 километров.

– Выложить возле орудий...

В походной палатке-шатре с красными крестами в белых кругах сестричка Настенька накладывала повязку на рану бойца. Солдата из боевого охранения задело, когда они возвращались с передовых позиций. Санек подорвался на противопехотной мине в поле, где еще накануне все представлялось «стерильно» чистым...

– «Чехи» совсем нюх потеряли! – начальник штаба дивизиона возмущенно стукнул кулаком по откидному столику. – Скоро у нас по огневой позиции начнут шастать, как у себя дома! Хан вернется, головы всем поотрывает, скажет, что так и было от рождения...

Корчась от боли, боец расширившимися глазами взирал на свою туго перетянутую резиновым жгутом ногу, на раздробленный обрубок ступни, на которой пальцев отныне не существовало.

– Потерпи, миленький! – чуть не плача сама, уговаривала его сестричка, доставая одноразовый шприц-тюбик. – Потерпи, Санек! Все будет хорошо! Ты еще у себя на свадьбе станцуеть! – натянуто улыбалась девушка.

Кровотечение из раны заметно замедлилось, но бурое пятно на повязке расплывалось, густо пропитывая ее тошнотворно пахнувшей массой. Нечеловеческая боль отразилась в подрагивающих глазах солдата. Он все порывался сказать, но никак не решался. Он боялся умереть и никогда не познать, не увидеть таинство...

– Титьку... покажи! – через силу разлепились побелевшие и потрескавшиеся губы. – Никому не скажу! Помру, останется мне, что на том свете вспомнить...

– Типун те на язык! – всполошено вскрикнула Настенька, а сама быстренько оглянулась на вход.

Торопливые девичьи пальчики со следами бывшего маникюра на коротко остриженных ногтях неловко расстегнули непослушные пуговицы, широко распахнули ворот.

– Смотри! – отчаянно выдохнула девушка. – Ты еще поживешь! Не смей думать о смерти! Я приеду к тебе на свадьбу!

Шершавыми подушечками огрубевших на войне пальцев боец опасно дотронулся до нежной плоти, коснулся сморщенного соска. По обветренной щеке его покатила благодарная слеза.

– Терпи, Санек! Терпи!

– Я терплю...

Подавшись вперед, девушка нашла искусанные губы бойца, целомудренно прижалась к ним...

Подошла «санитарка». Глядя на страдальческое выражение лица раненого солдата, Настенька быстро привела себя в порядок и приоткрыла полог палатки. Бойца уложили на носилки.

– Все будет хорошо...

В госпитале врачи проведут операцию, постараются спасти то, что осталось от безобразно изуродованной ступни.

Саньку еще крупно повезло. Лишь краешком носка армейского сапога наступил он, не навалился пяткой, всей тяжестью, на мину. Успел уже солдатик ногу свою приподнять, пока сработал под ним взрыватель. Оттого и мощность заряда пропала почти вхолостую, растворившись в мягкой пустоте воздушного пространства.

Возле ПУОД – пункта управления огнем дивизиона толпились бойцы с миноискателями и шупами. Начальник штаба приказал выслать группу на разминирование местности.

– Обнюхать каждую подозрительную кочку, ощупать каждый сантиметр. Вперед, дети подземелья!

Отправив бойцов, капитан зашел в медпункт. Настенька сидела на кровати и плакала, уткнувшись лицом в подушку.

– Это война, Настенька! Ничего не поделаешь, – офицер мягко дотронулся до девичьего плечика.

– Он звал меня замуж! – сквозь слезы произнесла сестричка.

В серо-голубых глазах капитана промелькнуло нечто, схожее с муками скрываемой ревности. Он, помолчав, отрывисто спросил:

– А ты?

– А я ему ответила, что люблю нашего майора! – девичьи очи широко распахнулись.

Резко поднявшись, начальник штаба шагнул к выходу. У порога он остановился, повернул к ней голову:

– Хан наш женат. У тебя нет ни единого шанса. Он до дрожи в пальцах любит свою красавицу жену.

Почувствовавшая себя так, будто ее окатили ушатом холодной воды, Настенька вскочила, вытянула к нему протестующие руки:

– Юра! Ты все врешь! Ты нарочно мне сказал! Потому что ты сам любишь меня!

Поймав надломленные ладошки, капитан дотронулся до них теплыми губами, пожал кажущимися безразличными плечами:

– Можешь мне не верить. В его личном деле есть запись. Они женаты почти пятнадцать лет...

Было время, он сам не верил в то, что подобное возможно. Но их командир дивизиона, по сути своей, уникальный человек. Таких, как их майор, на свете мало...

Разрывы мин то приближались, то удалялись, основательно перепахивая дорогу, круша и ломая технику, приводя в полную негодность то, что еще совсем недавно представляло собой боевую колонну. Боевики зажали федералов со всех сторон.

Тыльной стороной кисти майор машинально вытер со лба пот, перемешанный с пороховой гарью и пылью. Колонны их больше не существовало. Надежда на то, что придет помощь, угасала...

Развернув рабочую карту, Хан определил координаты их точки.

– Майор, твою мать... – командир сводного батальона говорил с трудом, – ты что, хочешь вызвать огонь на себя? С «катушек съехал»? Ты хорошо подумал, прежде чем принять решение?

– Другого выхода, комбат, – жестко сжимались пересохшие губы, – для нас нет. Не думаю, что плен окажется намного лучше.

Держа голову прямо, он выдержал взгляд подполковника и не отвел в сторону свои черные, наполненные тоскующей болью глаза. Лучше смерть, чем выносить измывательства изуверов.

Настроив радиостанцию в подбитой БМД на частоту своего дивизиона, майор нажал на тангенту:

– «Дон», «Дон», я, «Урал»...

Из динамика громкоговорящей связи, установленного на ПУОД, вырвалась команда, и капитан скачками помчался к машине управления, запрыгнул на свое кресло, торопливо протянул руку к телефонной трубке. Пока он суетился, эфир снова затрещал:

– «Дон», я, «Урал». Прием...

– Голос Хана, – начштаба удивленно моргнул. – Откуда? Он же выехал с колонной...

Расчет машины замер, напряжение достигло предела.

– «Урал», я, «Дон»! – торопливо проговорил капитан, будто очнувшись от летаргического сна.

В ответ они услышали ровный голос командира дивизиона, словно он стоял вблизи от них, всего в двух-трех шагах:

– Понял... слышу хорошо... «Дон», стой! Цель одиннадцатая, пехота, триста на двести, Х..., У..., высота..., внакладку, огневой налет десять минут, расход 144. Готовность доложить. Я, «Урал».

Вычислитель наклонился над прибором, нанес на него точку.

– Ущелье Шайтана рядом с высотой 1147, – испуганно моргнул он, докладывая. – Дорога между ними...

Начштаба схватился за карту, напряженно всмотрелся в нее, словно хотел в ней увидеть то, что происходило там, на дороге.

– Их зажали в тиски... Хан вызывает огонь на себя...

Направленные локатором девичьи ушки все мигом просекли.

– Юрка! – сестричка ворвалась в салон машины управления огнем дивизиона. – Ты не посмеешь туда стрелять! Там наш майор! Ты убьешь его! Юра!!!

– Кто? Кто пустил ее? – капитан растерянно оглянулся. – Это война, Настенька! На войне приказы не обсуждают, а выполняют! Уберите ее! К черту! К дьяволу! Куда угодно!

Старший радиотелефонист под руки вывел девушку, дверь тут же захлопнулась, отделив расчет от всего мира. Шла боевая работа, и ничто не в силах было помешать выполнению поставленной им боевой задачи.

– Дальность свыше двадцати четырех километров, – доложил вычислитель, – близка к предельно максимальной.

– «Дон», стой! – капитан вошел в связь с дивизионом. – Цель одиннадцатая! Пехота! Триста на двести! Активно-реактивными снарядами, зарядание с грунта...

Будто по единой команде разом взрвели и застучали мощные V-образные 12-цилиндровые высокоскоростные четырехтактные дизеля жидкостного охлаждения мощностью 840 лошадиных сил. Сизые дымки поднялись над пятнами маскировочных сетей...

Огневой налет длился десять минут. Потом все стихло. Капитан достал из-под сиденья солдатскую фляжку, не глядя, плеснул себе в алюминиевую кружку.

– Я выполнял приказ...

Трясущейся рукой начштаба поднес посудину ко рту, залпом опрокинул все в себя, закашлялся.

– Вы! – девушка прорвалась к ПУОД. – Вы убили его! Вы...

В воздухе послышался рокот. Одна за другой три винтокрылые машины сели на относительно ровной площадке.

– Как раненого с поля забрать, их не докричишься, – проворчал старший офицер второй батареи. – А тут они как тут, налетели, и полдня не прошло, без зова сами по себе явились...

– Как черти с того света явились...

– Сейчас начнется...

Еще не осела пыль, как на пункте управления огнем дивизиона заштормило, будто их накрыло шквалистым ураганом-торнадо.

– Кто, кто тебе дал команду стрелять? – генерал Буров тряс за грудки начальника штаба дивизиона. – Всех под трибунал отдам! Все ответите! Приказ по Группе: огня сегодня не открывать!

Недобрые и враждебно колючие глаза высокого начальства цепко ощупывали стоящих перед ним офицеров, искали виноватого и крайнего. Бывало, что и тот, и другой находились в одном лице. Но чаще всего виноват был один, а крайним делали другого.

– Команду подал командир дивизиона, – упрямо набычившись, доложил капитан, готовый отстаивать свою правоту до победного конца. – Запись стрельбы велась...

– Кто командир дивизиона? – подавшись вперед, въедливо затребовал генерал. – Фамилия!

– Майор Валишев, – с кислой миной на лице подсказал Бурову сопровождавший его полковник из штаба Группировки войск.

Высокое начальство прищурило глаз, вспоминая:

– Знакомая фамилия.

– Тот самый майор, – недобро усмехнулся полковник из ФСБ, – которого дважды представляли к «Красной Звезде» и оба раза отставляли назад...

Пестиков не уточнил, что именно он оба раза оказал тому самое непосредственное содействие. По ряду причин, о которых, кроме него самого, никто не знал.

Недолго думая, Буров приказал:

– Ко мне его!

– Он, – начштаба едко усмехнулся, – с колонной у Шайтанова ущелья. – Слетайте, заберите. Если там что-то осталось. Дивизион вел огонь по дороге...

– Вы за все ответите...

Круто развернувшись, Пестиков направился к вертолету. Лицо его выражало крайнюю степень озабоченного недовольства.

– Борис, что там, а? – гортанно спросил его сидящий в салоне Ми-8 мужчина в темных очках с аккуратно подстриженной черной бородой, прикрывающей длинный шрам от ножевого пореза.

Не отвечая, полковник потянулся к лежащей на сиденье фляжке и отвинтил пробку. Глубоко вдохнув, отпил большой глоток. Его поставили в неудобное положение. Он заверил, что все находится под контролем, ему поверили...

– Слушай, – в голосе кавказца зазвучало нетерпение, – зачем они стрелял, куда стрелял, а?

По тому, как Пестиков упорно молчал, эмиссар непризнанного Чеченского правительства Омар Тахоев понял, что ситуация вышла из-под их контроля. Возникли непредвиденные обстоятельства.

– Ты говорил, да, – яростно зашипел чеченец, брызжа слюной, – колонна идет маленький, голой рукой можно брать...

– Омар, я все сделал, как и обещал...

По его указанию прошла команда, спешно собрали колонну. Он предусмотрел, принял все меры для того, чтобы сопровождение, разведка маршрута и обеспечение безопасности при прохождении опасного участка скомкались, выполнились не в должной мере.

– Мы платить тебе большие деньги...

Черные глаза, с которых эмиссар снял очки, превратились в два бурильных станка, дырявящих полковника ФСБ насквозь. Омар презирал хамелеона в погонах, готового за деньги предавать свою Родину. По сути, люди, подобные Пестикову, служили не стране, а Хозяину. За хорошие деньги они, пользуясь своим положением, торговали государственными тайнами, человеческими жизнями...

– Молись своему Богу, полковник, чтобы наши люди успели забрать документы...

Вернулись посланные на разведку бойцы с миноискателями и щупами, со всей осторожностью выкладывали находки. Возле САУ копошились орудийные расчеты, накручивали банники на штанги и приступали к чистке, «пробивке» стволов соляркой, пока круто не «прикипела», не въелась пороховая гарь в структуру легированного металла. Жизнь ни на секунду не останавливалась, продолжалась.

В походной палатке-шатре навзрыд рыдала Настенька. Она любила майора, горе ее казалось безутешным, существование без него выглядело для нее бессмысленным...

Отстранив начштаба дивизиона от командования, Буров забрал капитана с собой. Железные «стрекозы» оторвались от земли. Через пять минут они зависли над Ущельем Шайтана.

Откинув голову назад, Пестиков прикрыл глаза. Снова на его пути встал Валишев. Кажется, в первый раз они схлестнулись уже в далеком восемьдесят шестом...

Глава первая Счастливый билет

1

Москва, 2 сентября 1985 года, Старая площадь, ЦК КПСС. Разговор за закрытыми дверями.

Массивные двухстворчатые дубовые двери, оббитые телячьей кожей, надежно отгородили стилизованный под старину кабинет от, казалось бы, гулко пустынного, но всегда подслушивающего и всевидящего, густо напитанного невидимой властью коридора.

Посреди комнаты стоял тяжелый, массивный стол из красного дерева. Полукругом вокруг него выстроились в том же вычурном стиле стулья с резными спинками и изогнутыми ножками.

Настольная лампа под зеленоватым абажуром составляла один из неперенных атрибутов. Подобный светильник находился в кабинете их великого вождя. Ильич любил работать при свете лампы. И нынешние правители России хотели подчеркнуть свою близость к великому основателю советского государства.

– Гриша, тебе не кажется, – с не выбиваемым южнорусским акцентом заговорило лицо, заведующее Международным отделом ЦК КПСС, – что пора нам готовить запасные аэродромы...

Говорившему человеку давали далеко за шестьдесят, однако он выглядел, благодаря Кремлевской больнице, намного моложе своих лет. Груз огромной власти наложил свой неизгладимый отпечаток на его крупное лицо, тяжелый, выдающийся вперед подбородок.

– Наш Комбайнер доиграется в демократию, наплачемся...

– И не говори, Кузьмич...

В носу у управляющего делами ЦК зачесалось, и он на весь кабинет оглушительно чихнул, извинительно улыбнулся:

– Правду-матку режешь...

– Пора нам с тобой, как говорит наш Миша, кооперацию, блин, еле выговорил... – зав Международным отделом скупно заулыбался. – Ее, самую, блин, кооперацию устроить...

Управ делами заинтересованно подался вперед. Сама идея ему понравилась. У его собеседника имелись хорошо отлаженные связи по всему миру, а у него в руках – практически неограниченные возможности контролировать распределение материальных благ и осуществлять движение денежных средств.

– Без Чепика не обойдемся...

– Согласен. Без Комитета у нас никуда...

Мощь государства держалась на трех столпах: армии, КГБ и МВД. За ними бдительно надзидало око партии. В свою очередь, столпы ревностно следили друг за другом. И КГБ, и МВД тайком собирали компромат и на партию, и на армию...

Еще накануне Борис Пестиков считался обычным и рядовым майором, коих в Управлении на Дзержинской площади числилось, хоть пруд пруди, на каждом этаже по несколько десятков. Тихих и неприметных. Стойко тянущих лямку основной работы...

А работы у комитетчиков всегда набиралось непочатый край, куда ни ткнишь, всюду исподволь зрело угрюмое недовольство.

Постылая жизнь все сильнее окунала большую часть населения великой страны в полную беспросветность. Обстоятельства порой и чаще всего оказывались сильнее любого человеческого желания выйти из порочного круга циничного лицемерия и ханжества.

Люди хотели вырваться из «рая», где из всех рупоров кричали, что их жизнь день ото дня становится краше. А с полок магазинов последовательно исчезали самые необходимые и жизненно важные товары. Желали многие подняться над серой толпой, стать выше. Тем или иным способом шагнуть вверх. Получалось у единиц...

Большая часть сильно хотела, но ничего, чтобы как-то изменить свою жизнь, не предпринимала. Один раз загнав себя в тупик, они сидели в углу, потихоньку поругивали родное государство, хаяли за интеллигентным «базаром» существующий строй или запоем пили.

Хотели они жить лучше, тайком неистово молились, просили у Бога помощи, но даже купить лотерейный билет не удосуживались. Ждали все манны небесной, когда упадет она им на голову...

В то утро Пестикову показалось, что неведомая сила вырвала его из стада, покорно бредущего по дебрям развитого социализма к сладостной химере коммунизма, и ракетой вознесла наверх.

– Борис, – пряча глаза, сообщил дружок Лешка, дежуривший в тот день по отделу, – тебя вызывает начальник управления.

– По поводу? – Пестиков озадаченно моргнул. – Мысля есть?

– Пока идешь, ты мозгуй. На кой тебе еще ляд башка дана. Не едино же для того, чтоб жрать и орать...

У любого подготовленного действия имеются атрибуты, заранее отработанные церемониалы, приобретающие большую значимость для его, того самого действия, нужного и правильного восприятия.

За три часа с майором побеседовали такие важные начальники, и он попал в такие кабинеты, в которых мог оказаться лишь во сне и только всего лишь раз в жизни, совершив Борис полет на Марс или устроив он в Америке новые социалистические штаты. Не иначе...

Еще на середине пути к Старой площади, о чем Пестиков пока и не догадывался, он целиком и полностью осознал грандиозность и масштабность всего с ним происходящего.

– Ё... мое! Жив останусь, свечку поставлю! – пробормотал себе под нос майор, будучи убежденным атеистом. – Не поскоплюсь...

Первым делом в его озадаченную неожиданным вызовом к начальнику их управления голову пришла мысль о том, что он где-то сам себе подложил тухлую кучу или его подло подставили.

– Гадом буду, Димка из соседнего отдела руку приложил...

Однако начальственного разноса, к удивлению Бориса, не последовало. Генерал-лейтенант говорил с ним несколько суховато, но с едва улавливаемым дружелюбным оттенком.

– Есть мнение перевести вас на более ответственный участок. Биография у вас в порядке...

Перед шефом лежало личное дело, из которого не стоило труда почерпнуть все интересующие начальника управления сведения: от даты его рождения вплоть до номера партийного билета.

– Все аттестации и характеристики положительные...

Поднявшись на этаж выше, майор попал к начальнику Первого главка. Генерал-полковник быстро задавал ему вопросы настолько разнонаправленные, что Пестиков растерялся. Он все никак не мог взять в толк, что и какое отношение имеет к его настоящей на тот момент работе. В партии состоял он девять лет, устав КПСС знал.

– Изучил назубок! – округлив глаза, горячо выдохнул из себя майор и усердно вытянул перед собой глубоко преданный делу партии и правительства подбородок. – Настольная книга...

Не хуже своего начальника изучивший все правила игры, Борис понимал, что слова, произносимые им, важны, но главную роль тут играет не сам ответ, который задающему вопросу известен заранее, а его эмоционально выраженная правдивость и искренность.

– А как вы относитесь...

– Целиком и полностью разделяю...

И к политике партии и правительства он относился с полным пониманием. Убежденный коммунист до костей мозга...

– Как вы смотрите на...

Идею мировой революции Борис всецело одобрял. Сколько еще можно им жить в тесном кольце империалистов. Обрыдло...

– Как вы относитесь к международному коммунистическому движению? – строго спросили его в конце беседы.

– Всецело поддерживаю и одобряю!

И тут Пестиков заподозрил, что его хотят перевести в отдел работы с иностранной агентурой. Все к тому сходилось. Одна из его подопечных перебиралась за кордон, для ее легализации они разработали легенду и осуществили тщательную подготовку.

– Очень хорошо!

На пульте управления замигала красная лампочка, и начальник Главка лично провел майора к самому Председателю – вершителю судеб тысяч чекистов, преданно несущих свою службу на самых различных ступенях могущественной Системы.

– Проходите, присаживайтесь...

Полновластным хозяином кабинета оказался худощавый и с виду совсем невзрачный человек лет пятидесяти пяти. Пестиков заметил на его лице болезненную усталость. Генерал армии был, казалось, изжеван жизнью, весь задерган частыми звонками из всех многочисленных аппаратов, расставленных по рабочему столу.

– Женат? – Председатель снял очки и прищурился.

– Так точно!

– Моральный облик... – пожевал губами генерал армии.

Что он этим хотел сказать, Пестиков решительно не понял. Подумал, что ему лучше промолчать. Может, за умного сойдет...

– Честное имя офицера. Долг и честь...

Напыщенно произнеся передовицу газеты «Правда», генерал армии позвонил по «кремлевской вертушке» с аппарата с золотым гербом на диске, сообщил о времени своего приезда...

Бронированный правительственный «ЗИЛ» с Лубянки покатыл в сторону Старой площади, мощно и безостановочно. Гаишники, вытянувшись оловянными солдатыками, отдавали им честь.

Монументальное, застывшее в своей величественности здание поражало строгой тишиной, пропитанной атмосферой идеального порядка и высочайшей дисциплины.

Не лишенный наблюдательности, Пестиков отметил для себя, что, чем выше они поднимались по ступеням, тем могущественнее становились хозяева расположенных вдоль коридора кабинетов.

– Ё... моё! – беззвучно шевельнулись губы майора.

Финский пластик «под дуб» сменялся настоящими ореховыми панелями, обычный паркет – узорчатым цветным. Вместо ковровых дорожек появились настоящие ковры.

В тихих холлах притаились кожаные диваны и удобные кресла. Правда, в этот час они все пустовали. Безлюдье и поражающая воображение тишина.

– А... – Пестиков, было, приоткрыл рот, но мгновенно осекся под укоризненным взглядом неподвижного часового в офицерской форме с малиновым кантом на идеально отутюженных брюках.

Заведующий Международным отделом ЦК КПСС беседовал с Борисом не менее получаса. Быстро задав один за другим с десятков вопросов, на которые Пестиков успешно ответил в предыдущих кабинетах, седовласый мужчина довольно улыбнулся:

– Нам нужен человек, искренне преданный делу партии...

Борис напрягся и весь подался вперед. Финиш явно смотрелся не за горами. Наконец-то, его судьба прояснится.

– Наш выбор пал именно на вас...

Почтительно припущенные плечи майора невольно вздрогнули. Никак не мог Борис взять в толк, чем он лучше многих других. И водочку он попивал, и на сторонке погуливал. Исключительно в интересах дела, конечно. Во время встреч с агентами и вербовок.

– Товарищ Чепиков введет вас в курс дела...

На этом, как правильно понял Борис, аудиенция закончилась, и он мгновенно вскочил, вытянулся:

– Ваше высокое доверие оправдаю!

По дороге на Дзержинскую площадь Председатель в двух-трех словах ввел майора в курс порученного ему дела. С деталями его ознакомили чуть позже...

– Кузьмич, – управ делами ЦК хитренько прищурился, – ты тому человечку все, как оно есть, крякнул?

– Ты що, Гриша, – зав Международным отделом ЦК КПСС покрутил толстым пальцем возле виска, – меня вовсе за дурня хранишь? Чепик вякнет своему человеку, що тот почнет вкалывать курьером, таскать дипломатическую почту.

Догадливая улыбочка тихо скользнула по тонким нервическим губам, иссушенным немалыми годами и властными ужимками:

– Втемную хочешь использовать?

– Ценности в Государственном хранилище под расписку твои люди возьмут. А человек Чепика получит опечатанный чемодан. И опосля перелета сдаст его в посольстве...

Через неделю у семьи Пестиковых началась новая жизнь. Для удобства им первым делом поменяли квартиру. Нынче они жили на Кутузовском проспекте. Клара Карловна оказалась в восторге...

2

Мотострелковый полк вернулся с полигона. Окончание учений смазалось трагическим происшествием. При совершении марша по лесной проселочной дороге в результате несчастного случая погиб механик-водитель рядовой Розалиев из девятой роты.

Старший лейтенант Иванюк, едва волоча свои нетрезвые ноги, добрался до своего ДОСа – дома офицерского состава, поднялся по лестнице, привалился к стенке возле двери собственной квартиры.

Поводя из стороны в сторону ослотившимися глазами, Петька прислушался. Изнутри доносились звуки работающего телевизора. Значит, жена его, Машка, находилась дома, никуда не ушла.

– Явился, аспид! – женщина посмотрела на него ненавидящими глазами. – Опять надрался...

Скидывая сапог, Иванюк не удержался, потерял равновесие, сполз по стенке, с шумом приземлился на «пятую» точку.

– Все пропало, – философски изрек он, таращась на жену снизу вверх. – Пролетело, гы, звание мое фанерой над Парижем...

После нелепой гибели бойца никто не отправит его документы на присвоение воинского звания «капитан» досрочно, как обещал ему командир дивизии после показательного учения.

– Пить надо меньше! – издевательски кинула Машка. – Ты сам один по кругу во всем виноват!

– Я?! – Петька пьяно качнул головой.

С его языка кувыркнулось, что задним числом у них все умные. Если бы он перед началом марша четко выполнил бы мероприятия по технике безопасности, надежно закрепил бы все бревна на броне, то ничего не случилось бы. Напротив, сидел бы «на коне», заработал бы он перед проверкой себе дополнительные очки.

– И ты туда же, – старший лейтенант тяжело вздохнул. – Давай, гы, добей меня! Мало меня мое начальство денно долбает...

– Была бы моя воля, – женщина яростно сверкнула глазами, – я тебя сама прибила бы! За то, что продал меня! Как вещь...

Пряча глаза, Петька провел по своему горевшему от стыда лицу широкой ладонью. Капитан Дегтярев, сука позорная, подловил его в тяжелую минуту, вырвал обещание. Не думал Иванюк в ту самую минуту, когда просил командира третьей роты выручить его, дать ему свои боевые машины на показательное учение, чем оно обернется.

– Машенька, я, гы, не знал...

Ему и в голову не пришло, что за должок «повесили» на него. Когда боевые машины третьей роты с перекрашенными номерами успешно атаковали «противника», проверяющие впали в восторг, хлопали в экстазе, и Иванюка отметили...

– Я не думал, гы, что Дегтярев подлая сука...

Ему и в кошмарном сне никогда не приснилось бы то, что наяву потребовал от него коварный капитан.

– Индюк тоже думал... – буркнула Машка.

Робкие дождевые капли постучались в окно, женщина шагнула к стеклу, всмотрелась в темноту. Тусклый свет, робко падающий с фонарного столба, отбросил в сторону неподвижную тень.

Прямо напротив их окон в армейском брезентовом плаще с накинутым на голову капюшоном торчал человек, направивший свой взгляд в их сторону. Машка вздрогнула, она узнала того, кто мок под нудным дождем, но никуда не уходил...

Начинающийся дождь разогнал по казармам подразделения, что выстроились на плацу для проведения вечерней поверки. И городок на глазах опустел. А дождь все усиливался, валил стеной, кидая водяные потоки на одиночных прохожих, не иначе точно как заблудившихся и потерявшихся в опускающейся на землю ночи.

Крупные капли бесцеремонно и настойчиво стучали в окно, но Петька их не замечал. Опрокинув в себя очередную рюмку, он угрюмо неподвижным взглядом уставился в угол, где, отклеившись от стены, отошел кусок дешевых обоев в голубенький цветочек.

– Все против меня...

Пьяные мысли мешались, они путались, причудливо переплетая существующую объективную реальность и мир надуманный.

– Ты, гы, сука, во всем виновата! – в мужских глазах загорелся нездоровый лихорадочный огонь. – Сука! – Иванюк угрожающе поднимался, рот его перекосило от душасей мужика ярости.

Озлобленный кулак пролетел в сантиметрах от ее уха, и Машка с криком отскочила, схватила со стола кухонный нож, пригнулась, готовая защитить себя, несмотря ни на что.

– Не подходи, аспид, зарежу!

Заметив в освещенном окне угрожающе задвигавшиеся руки, человек в дождевике решительно шагнул вперед, ступил в лужу, тревожась, заторопился на доносившиеся приглушенные шелестом дождя разгоряченные крики угрюмого недовольства и отчаяния.

– Сука! Все из-за тебя! – тяжело ступая, Петька оттеснял жену к узкому пяточку между шкафом и холодильником, в безнадежном движении Машка прижалась испуганно подрагивающей спиной к прохладе шероховатой стенке.

Еще немного, еще один шаг, и у нее не останется выбора. Или мужик насмерть прильет ее, или она порешит его. Одно из двух.

– А-а-а! – отчаянно закричала она, зажмурив глаза и выставив вперед руку с ножом. – Не подходи!!!

Гулко рухнула наземь выбитая входная дверь. Торопящиеся шаги гулко прошагали в кухню, завязалась упорная борьба.

– Пусти! – зарычал Петька, чувствуя, как его руки сковало железным захватом. – Похорошему, гы, прошу, пусти!

Воспользовавшись моментом, Машка юрко выскользнула из западни, проскочила в комнату, набросила на себя куртку, быстро выпрыгнула в полусапожки, в прыжке рванула к дверному проему.

Оттолкнув от себя Иванюка, человек в дождевике попятился к выходу, скрылся в полутемном коридоре. Старший лейтенант, на глазах свирепея, вскочил, бросился за ним, но неожиданно для себя наткнулся на новую и для него непреодолимую преграду.

– Ты?! – Петька в нерешительности застыл.

– Не смей людей, Иванюк, – коренастый крепыш перегородил проход. – Не позорь Машку...

По одной случайности Серж проходил мимо, заглянул на шум.

В тот вечер старший лейтенант Шутов отвечал по полку и возвращался из автомобильного парка. Все сложилось так, как он и задумал. Ненастная погода всецело способствовала его дерзкой затее. Непрекращающийся дождь надежно схоронил лиходеев.

Суточный наряд по парку укрылся от разошедшейся не на шутку стихии в помещениях КТП. Никто не выглянул, когда Серж толкнул калитку и ступил на территорию парка. Неподалеку под козырьком, прячась от дождя, одиноко стоял часовой. Нарушая все положения Устава, Шутов смело шагнул к бойцу с автоматом.

– Принесли? – коротко спросил он у поеживающегося воина.

– Приперли... – угрюмо буркнул солдат.

Рядового Бойко обуял страх, и он весь содрогался от мелкой дрожи, пробегающей по спине и затихающей в кирзовых сапогах. Имелась бы на то его воля, он не стал бы рисковать. Но старший лейтенант цепко взял их за горло. Его самого и лучшего корешка его Синько. В Новогоднюю ночь возвращался он вместе с младшим сержантом из увольнения. Оба прилично напились. Хмель дурью ударил в башку, и они решили найти себе приключение на одно место. Напали под покровом темноты на одинокого прохожего, хотели ограбить и смыться. Но не тут-то было. Под гражданским плащом скрывался мундир старшего лейтенанта, перепоясанного португеей. А в кобуре у него хоронился вороненый пистолет...

– Пошли... – Серж оглянулся на светлеющие окна КТП.

В комнате тихо. Дежурный лейтенант дремал, уткнувшись лбом в раскрытый журнал выхода машин. Водитель дежурного тягача, свернувшись тугим калачиком, дрых на расстеленном на кушетке армейском ватном матрасе. Дневальные по парку «резались» в карты, играли в «дурачка» на щелчки...

– Где Синько?

Не разбирая дороги, шлепая по лужам, боец мотнул головой, показывая своим острым подбородком:

– У склада ждет...

Младший сержант исполнял обязанности первого разводящего и по совместительству помощника начальника караула. Пока его лейтенант ходил на проверку постов, Синько открыл ящичек, где хранились ключики от охраняемых объектов, и вытянул мешочек от складов с боеприпасами «ТД» – текущего довольствия и «НЗ».

– Ловись рыбка, большая и маленькая... – хмыкнул он.

Вздрагивая от волнения, младший сержант спрятал ключики в карман постового плаща, который потом он надел, когда, в свою очередь, сам отправился проверять часовых на постах. Ссылаясь на дождь, караульного Синько с собой предусмотрительно не взял.

– В эту погоду хороший хозяин собаку на улицу не выгонит, – глухо ворчал разводящий, аккуратно раздвигая ряды с колючей проволокой, проделывая узкий лаз в наружном ограждении. – А ты тут мокни. И ни зги, зараза, не видать, хоть глаз выколи...

С одной стороны, оно хорошо, никто их издалека не заметит. С другой стороны, они и сами никого не смогут вовремя обнаружить, если кто-то подкрадется к ним, злым дням. Хотя, в эту непогоду...

Да и времечко выбрали удачное. Полчок наемни вернулся с полигона. Женатые офицеры побежали к семьям, а холостые давно уже празднуют окончание полигона, «заливают за воротник».

– Синько, ты здесь? – возле младшего сержанта послышались осторожно крадущиеся шаги.

– Тута я, – ответил он, не выпрямляясь и не поворачивая своей головы, и без команды нырнул в проделанный лаз.

Старший лейтенант бесшумно последовал за ним. Вдвоем они обогнули хранилище и подошли к воротам, на которых виднелась дверь поменьше, с навесным замком и висячей печатью.

– Давай ключики... – Серж протянул руку.

Пластик на холоде затвердел и без особого труда отделился от фанерной пластинки, к которой прилеплялся. Оттиск при этом с печатью не повредился. Шутов осторожно вытянул из-под него шелковые нити, развязал мешочек, достал связку ключей. Тот же самый трюк он проделал и с печатью на двери.

– Крохоборы, – издевательски хмыкнул Серж, глянув на замок.

Этот он смог бы открыть пилкой для ногтей или любым на нее похожим плоским ключом. Дерьмо, а не запор. А по авансовым отчетам проходило, будто начальники складов закупали себе, чуть ли не кодовые, замки. И тут подворовывали себе втихаря, тащили все в дом прапора, а на объекты свои вешали дешевую рухлядь.

– Ну, с Богом! – Шутов потянул на себя дверь, и она с противно режущим слух скрипом подалась.

Сильным порывом ветра ударило по крыше, пробежало по ней грохочущими железными шагами, и Серж опасно вздрогнул. Синько от страха присел, вжался в узкий уступ между штабелями.

– Всего лишь ветер, – сам себя успокоил офицер и шагнул к ящику, набитому сигнальными ракетами.

Отдельно хранились тротилловые шашки, взрывпакеты. Отослав Синько, загруженного двумя сумками, к двери, Серж, прикрывая руки корпусом, быстро открыл ящик, где лежали новенькие ПМ.

Бедолага Бойко все это время торчал на ветру и вслушивался, боясь пропустить ненароком чужие шаги, вздрагивал от каждого шороха. А ветер-разбойник, надсмехаясь и издеваясь над бойцом, стучал барабанной дробью и трещал, скулил и стонал на все лады.

– Уходим...

Плотно притворив за собой дверь, старший лейтенант навесил на нее замок, шлепнул оттиск печатью со связки ключей, что упер у начкара доблестный разводящий. Ума на то слишком много и не понадобилось. На то, чтобы шлепнуть печать...

– А теперь положим ключики...

Опустив связку в мешочек, Серж вернул на место слепок с печатью, осторожно вдев в ушки нитки, протянув их, опустив на них пластилиновую пробку с оттиском печати на ней.

– Как будто так оно и было...

Согнувшись под тяжестью двух сумок, Синько торопливыми частыми шажками уносил поскорее ноги подальше от парка, в душе не переставая себя казнить за то, что они с дружкой в Новогоднюю ночь решили пошарить в карманах прохожего и поймали себе на мягкое место вящую неприятность. Чтоб он еще раз...

– Ха! – процедил парень сквозь стиснутые зубы, издеваясь над самим собой. – Зарекалась свинья говно не жрать...

Правда, старший лейтенант, жестко усмехаясь, обещал, что в долгу он не останется, поспособствует, чтобы Синько уехал домой с лычками старшего сержанта и убыл самым первым самолетом.

– Поставь сумки и иди, – распорядился Серж, когда женщина, накинувшая на плечики шаль, на его стук открыла дверь.

Облегченно вздыхая, младший сержант стремглав понесся вниз по лестнице, чувствуя, как гулко бьется сердце и подкашиваются ноги при каждом шаге. Нигде не останавливаясь, он промчался до караульного городка, вошел в помещение. Начальник караула, укрывшись сверху шинелью, спал. За его рабочим столом у пульта с охранной сигнализацией и связью с постами сидел боец.

– Как дела, Курбангалиев? – спросил Синько, переводя дух.

– Все порядка, товарища младшая сержанта...

Еще через пару минут мешочек с ключиками вернулся на свое место, крышка ящика тихо опустилась. Синько, расслабившись, прикрыл глаза. На этот раз, кажись, пронесло...

Кутаясь в куртку, вздрагивающая женщина стояла в дальнем конце коридора, опустошенно смотрела на то, как за окном вдоль бордюра несется мутный поток. Ее семейная жизнь окончательно сошла с колеи, разрушилась. Она оказалась в тупике. И никакого видимого просвета не наблюдается, повсюду глухая стена...

– Машенька, – с мягкой настойчивостью тихо и проникновенно произнесли возле ее самого уха, – пошли со мной.

– А? – женщина будто очнулась от глубокого сна.

Мужская рука с деликатной чуткостью легонько дотронулась до ее нервно передернувшегося плечика:

– Холодно, дует. Замерзнешь. Идем ко мне, отогреешься...

– Нет, Дегтярев, – Маша зажмурилась, тряхнула головой. – К тебе я не пойду, – она зло усмехнулась. – Что, решил меня на арапа взять, моментом воспользоваться? На-ка, выкуси...

На самом деле, она так не думала. Просто у нее не нашлось, что еще сказать. Больше всего она боялась не самого капитана, а того, что незамедлительно разнесут по всему городку досужие кумушки в своем душевном желании поделиться со всеми свежей новостью.

– Я отведу ее к нам... – Серж накрыл своей широкой ладонью узкую женскую ладошку.

Втроем они вышли из одного подъезда, прошли три десятка шагов и завернули в следующую парадную.

– Машка, быстро в ванную! – Глаша сочувственно всплеснула руками. – Полежи в горячей воде, обогрейся...

На тесной кухоньке мужики охотно пропустили по рюмашке, аппетитно закусывали. Глаша задумчиво смотрела на них.

– Артем, – решившись, спросила она, – правда, что ты выручил Петьку, а взамен потребовал, чтоб Иванюк уступил тебе Машку на одну ночь? Или я неверно взяла в толк ее «базар»...

Горячая вода неожиданно принесла облегчение и расслабление. Молодая женщина сонно прикрыла глаза. Отступили на задний план все переживания, не хотелось ни о чем думать. Казалось, она смирилась со своей судьбой, решила отдаться течению. Пусть уже случится то, что должно случиться. Как выйдет, так и получится. В общем-то, под защитой Глаши она чувствовала себя относительно в безопасности, знала, что лучшая подружка в обиду ее не даст...

– Петька попросил, чтобы я ему дал свою технику на показательные учения, – по лицу Дегтярева гуляла ироничная улыбка. – Клялся и божился, что все для меня сделает, если я выведу свою роту вместо его шарашки, в которой половина машин оказалась не на ходу.

– И ты согласился?

– Как видишь...

Ожесточенно моргая, Серж потянулся за бутылкой.

– Обоим вам за это следует морду набить...

Гость неопределенно пожал плечами:

– Я не собирался делать с Машкой худое. Мне хотелось понять, куда может пойти Иванюк. Я на его месте с женой ни за что не делился бы. Лучше пожертвовать своей честью, карьерой, чем вот так расплачиваться любимой бабой.

– Ну, – Глаша увела смутившийся взгляд в сторону, – у каждого свои понятия. Каждый сам выбирает себе свой путь...

Ковыряясь вилкой в тарелке, капитан согласно кивнул головой:

– Ну да. Сообразно со своей совестью...

Будто прислушиваясь к тихому разговору на кухне, и дождь понемногу поутих, перестал стучать по жестяному подоконнику и крупными каплями стекать по темнеющему оконному стеклу.

– Я пошел в дежурку, – Серж поднялся.

– Я с тобой... – негромко произнесла Глаша.

Поправляя портупею, старший лейтенант не стал отговаривать жену, напротив, всемерно поторопил, одоблив ее решение:

– Одну минуту тебе на сборы...

Метнувшись в комнату, Глаша достала из шкафа чистое белье и кинула его на диван.

– Артем, разберетесь сами. Прошу, пожалуйста, не обижай ее. Машке и так досталось сполна...

Хлопнула дверь, хозяйка хаты ушла, оставив недоумевающего капитана одного. Впрочем, в чужой для него квартире он находился не совсем один. За тонкой перегородкой тихо журчала потоком струящаяся из крана вода...

Женщине было так хорошо, что ей не хотелось вставать. Лежа в обволакивающей сознание горячей воде, она смогла шаг за шагом разобраться сама с собой, возможно, в очередной раз пойдя на сделку со своей совестью, может быть, в этот раз поступая именно по велению своего внутреннего «Я».

Закрыв воду, Машка прислушалась. Странно, но разговор из кухни больше не доносился. Видно, мужики все ушли, оставив женщин одних, подумалось ей. Невольный вздох разочарования, вырвавшийся из ее груди, поразил женщину и немало ее смутил. Выходит, что в душе она ждала совсем иного.

– Тю, дурочка! – вслух произнесла Машка. – А что ты хотела...

На что еще оставалось ей рассчитывать, промелькнуло перед ее глазами, если она сама отказалась пойти на хату к Дегтяреву.

– Подумаешь, люди скажут. Посудачат, перестанут...

На дворе ночь, убедительно крутилось у нее в голове, дождь, не переставая, стучит. Никто и ничего не увидел бы. Быстренько они могли прошмыгнуть по длинному и узкому коридору, в котором из четырех ламп самое большее горит у них две, а то и всего одна.

– А утром? – задумчивый пальчик вопросительно скользнул по полуоткрытым губам. – Стоит мне выйти в коридор...

Женщина с огорчительным сомнением покачала своей головой. Утром ей не спрятаться. И что же ей, спрашивается, делать, если она боится пересудов? Жить с Иванюком у нее больше мочи нет.

– Надо что-то решать, – по слогам произнесла Машка, глядя на себя в зеркало. – Так дальше жить нельзя...

Возможное решение показалось в виде мужской руки, когда она криком попросила, чтобы хозяйка принесла ей полотенце.

– Они ушли... – протянули из-за стенки голосом Дегтярева.

Внутри у женщины все так и опустилось, ноги задрожали и подкосились, сердечко запрыгало то ли от страха, то ли оттого, что разом приблизилось то, о чем она столько думала. Пока она еще в нерешительности колебалась, подружка все за нее сама решила.

– А ты, что тут делаешь? – обвернутая в огромное полотенце, она кинула на капитана взгляд, полный подозрения и еще чего-то.

– Тебя охраняю, – невозмутимо ответил Артем.

Ступив шагок-другой, женщина иронично спросила:

– И от кого?

– От себя самой...

Потоптавшись возле аккуратно расстеленной постели, Машка присела и, словно головой в прорубь, юркнула под одеяло.

– Маша, соглашайся, на руках тебя всю жизнь носить буду! – проникновенно нашептывал капитан.

Не поворачивая головы, женщина едко усмехнулась:

– Один все тоже обещал мне всю жизнь на руках носить, а сам кулаки распускал...

– Я тебя не тороплю, – будто в подтверждение своих слов, он пересел в кресло. – Я подожду. Столько, сколько ты сама захочешь.

Капитан прикрыл глаза. Если придется, он спокойно заночует на кресле. Ему не привыкать.

– Артем... – женская кисть легла на его плечо.

Еще мгновение, и его щеки коснулась нежная плоть.

– Не делай, Машенька, того, о чем утром начнешь вспоминать с брезгливым отвращением. Иди, ложись...

– Нет! – Маша упрямо тряхнула головкой. – На этот раз я сама этого хочу! Хочу и сделаю! – выплеснула она из себя желание, не откладывая, отомстить Иванюку за все ее женские унижения.

Повинуясь ее зову, мужчина поднялся. В женских глазах он прочитал непреклонную решимость. А еще он узрел, как прекрасна она и как по-детски беззащитна в своей восхитительной наготе...

– Где же ты был раньше? – захлебываясь ошеломленными и одновременно восторженными слезами, вопрошала его женщина после того, как к ней вернулся дар разговорной речи.

Первый раз ее любили нежно, бережно, чутко прислушиваясь к ней самой, а не так, будто брали штурмом очередную высоту.

– Я искал тебя...

– Долго же ты меня искал...

За окном, не переставая, шумел дождь.

Подумав, Серж притащил в свой кабинет еще два калорифера, и комната относительно быстро нагрелась.

Не глядя на мужа, по губам которого гуляла непонятная ей улыбка, женщина наводила порядок на его рабочем столе. Точнее, она попросту убирала все бумаги и папки в сторону, складывая их, как придется, на широченном подоконнике.

– Ты что, собираешься на нем спать? – Серж рывком развернул ее к себе. – Или...

– Или! – шумно выдохнула Глаша.

Со дня их свадьбы прошло всего три дня, и она еще порой сильно смущалась, никак не могла привыкнуть к тому, что еще две недели тому назад совсем для нее чужой человек стал ее мужем, по сути, самым близким для нее человеком. Стал им де-юре, а вот, как обстояло дело с де-факто...

– Ты имеешь что-то против? – она лукаво улыбнулась.

Конечно, первая брачная ночь чуточку сблизила их. Вместе с близостью физической зародились ростки общности духовной. И все происходило в основном ее стараниями. Сам же Серж особого рвения к их быстрейшему сближению не проявлял.

– Ты хорошая, Глаша, – муж нашел ее губы, крепко поцеловал.

Не отрываясь, они долго стояли, тесно прижавшись друг к другу. Женщине казалось, что ледок отчуждения на сердце мужа постепенно тает, а он в это самое время грезил совсем о другой.

Думал о деве, которую он долго знал как немку Аннет, которая оказалась отнюдь не той, за кого она выдавала себя.

И выяснилось оно на их с Глашей свадьбе, когда в супруге комсомольца полка Баталова он вдруг увидел ту, к которой бегал на протяжении полугода. И было оно за гранью его понимания...

А потом Мирослава-Аннет и вовсе загнала его в тупик.

– Серж, я все про тебя знаю, – с грустной улыбкой на губах сказала она, когда они на минутку оказались вместе. – Твой дружок Сеня выболтал все, думая, что я плохо понимаю по-русски...

Набатным звоном застучало в ушах старшего лейтенанта. Дева оказалась в курсе всех их махинаций с горючим, продажей его немцам на сторону. Веселенькое дельце...

– Ловко ты, однако, почистил склад с боеприпасами...

В глазах у Шутова потемнело. Ему показалось, что это конец. До этой минуты с ним ловко играли, выводя его на «чистую воду», а сейчас прихлопнут, как мышь в мышеловке. И провела его, как он считал, прожженного кадра девочка с ангельской улыбкой. Кто бы мог подумать, глядя на нее, что она способна на иезуитскую игру.

– Я не полагала, что ты склонен к воровству с взломом...

По его лицу пробежалась усмешка. Если бы она хотя бы знала, на что он способен, то сто раз подумала бы, прежде чем говорить ему подобные вещи. Он и в училище-то военное поступил лишь для того, чтобы избежать колонии для малолетних преступников.

– Серж, я не пугаю тебя...

Чуть опуская голову, Шутов прищурил левый глаз. Его просто так не утратить. В свое время он и не через такое проходил. Ему было около шестнадцати, когда следователь из области всю ночь допрашивал его, страшал и пугал. А потом взял и предложил ему уехать из их шахтерского поселка, посодействовал в получении новых документов, в коих он из Панова превратился в Шутова.

– Серж, я люблю тебя...

Женские глаза на миг широко раскрылись, и он убедился в том, что Мирослава говорит ему чистую правду. И он втрескался в нее до беспамьяства. Однако обстоятельства, кажется, все ж оказались сильнее их любви. Обстоятельства порой напрямую, а чаще всего исподволь оказывали влияние на их жизнь. И трудно, практически невозможно оказывалось, не сворачивая, следовать своим путем, а не быть игрушкой в их железных и бездушных тисках.

– Поверь мне, я желаю тебе одного добра...

Странно, но почему-то добра ему желали сплошь одни бабы. К тому же, чужие. Собственная мать на него начхала. Она кинула его, оставив жить с бабкой, а сама уехала со своим хахалем в погоне за «длинным» рублем. Мать укатила, когда ему еще не исполнилось и трех лет. В семь лет он остался сиротой.

3

Первой бабой, что пожалела его, была следователь. После того, как Софья Александровна завершила свой очередной допрос, глядя в сереющее окно, она распорядилась освободить его из-под стражи.

– Ты сейчас поедешь со мной! – безапелляционно заявила она, и Серж послушно кивнул головой.

Несмотря на свои юные годы, он прекрасно осознавал, что с ним давно уже играют далеко не в детские игры.

– Если попытаешься сбежать, я посажу тебя лет на шесть...

– Понял, – пацан с шумом засопел, – не дурак...

У Софьи Александровны имелся старенький «Москвич». На нем они выехали. Он сидел на заднем сидении и думал. Размышлял о том, что осталось позади его трудное и тяжелое детство, дружки, с которыми он связался, в общем-то, не по своей воле. Поселковая банда наводила ужас на местных жителей. Вечерами по улицам невозможно было спокойно пройти. Грабили прохожих, приставали к женщинам и девушкам. Воровали...

– Жить будешь у меня в городе...

Невзирая на все бодрые и оптимистические доклады местного милицейского начальства, в их районе процветал самый настоящий бандитизм. Преступная группа поражала своей организованностью и дисциплиной, потому что во главе ее стоял...

– Дело твое я закрыла...

Именно про главара и хотела узнать Софья Александровна. Но Серж ей ничего толком не сказал, хотя знал и догадывался. И все-таки некоторые подробности следователь из него вытянула, по сто раз задавая одни и те же вопросы, ловко путая его и заставляя выдавливать из себя правду каплю за каплей, крупицу за крупицей. Умела мадам Шутова проводить допросы, имела талант к тому...

– Я займусь твоим усыновлением...

К сожалению, несмотря на данные от Бога таланты, жизнь у Сонечки не сложилась. Если не брать во внимание ее работу. С карьерой-то у нее все выстроилось. Немало способствовало тому то, что женщина жила одиноко и все время отдавала работе.

– Фамилию поменяешь на мою...

Сразу после университета она с головой ушла в профессию, отдалась ей. Когда чуточку «наелась», ушла новизна и романтика потускла, оглянулась и обнаружила, что осталась одна. Все друзья отделились, вышли замуж и переженились.

– Никто тебя искать не станет...

Неглупая с рождения, Сонечка мужа для себя хотела подобрать умного и интеллигентного. Увы, оказалось, что пока она училась и с упоением осваивала приемы и методы работы, всех стоящих мужиков успели разобрать те, кто думал не только о том, чтобы кругом и везде соблюдалась социалистическая законность.

– Застрянешь в поселке, тебя свои же корешки порешат...

Остались свободными лишь те, на которых никто не смотрел, или же в корне привередливые, как она, или себялюбцы, эгоисты по своей натуре. А такие сокровища ей и даром не требовались. Жить с человеком, который заботится исключительно о себе, каким бы умным он и ни слыл, она не желала.

– Послушаешь меня, в люди выбьешься...

Но Сонечка, оптимистка по натуре, надежды не теряла. Она крепко верила в то, что, «если есть крышка, то и кастрюля к ней найдется». Крышка имелась, однако подходящей посуды к ней все никак не подбиралось. Эксклюзивным товар у нее оказался.

– Иначе у тебя две верных дороги: или «зона», или погост...

Не успела девушка заметить, как перешагнула тридцатилетний рубеж. Юбилейное торжество явилось вехой, обозначившей некий перелом в ее сознании. Теперь она согласилась бы выйти за любого мало-мальски подходящего типа.

– В школу тебя определим...

К вящему своему ужасу, Сонечка обнаружила для себя, что мужики особо не горят желанием связаться с нею узами Гименея. Переспать с ней ночью – на мимолетную связь многие с охотой шли. Но когда дело касалось серьезного, тут же включали заднюю передачу и мгновенно исчезали с ее горизонта, будто ураганным их всех ветром сдувало.

– Окончишь десять классов...

Наверное, мужиков сильно смущала ее должность. Да и погоны майорские пугали потенциальных женихов. Боялись они попасть под прокурорский каблук и под пресс всепроникающего надзора. Какая тут может быть любовь, когда шагу не ступить без...

– Поступишь в военное училище...

Все для себя Софья Александровна распланировала. Тридцать шесть лет – давно не девичий возраст. Еще немного, и она совсем останется одна. А в лице пацана в квартире появится живая душа. За то время, пока она допрашивала Панова, Шутова прониклась к нему неожиданной симпатией, так приглянулся ей гордый паренек.

– Решай...

Если она не сможет воспитывать своих собственных детей, то появится возможность иметь внуков, найдется, кому скрасить ее одинокую старость. Если события пойдут по второму варианту. А если все выйдет так, как она задумала, то...

– Парень ты не дурак...

На это Софья Александровна и надеялась. На то, что разумный паренек примет ее условия, согласится на все ее предложения. По сути, Шутова предлагала Панову выигрышный лотерейный билет. Правда, огромных барышей она не сулила, но лучше пока занять синицу в руках, чем наблюдать журавля в небе...

– Зачем тебе по жизни «париться» по «зонам»...

И Серж согласился с ней. Всю жизнь провести в переездах из одной колонии в другую и он не желал. Его тянуло к путешествиям, мечтал он с детства побывать в чужих и дальних краях. Кроме того, он успел заметить, что у подполковника в юбке аппетитные грудки, на которые он жадно засматривался во время допросов.

– Я помогу тебе с учебой...

Нескромные взгляды его женщина замечала, но не одергивала, не загоняла его грозным окриком на место, не застегивала пуговку.

– Подтянем все хвосты...

И ножки в ажурных чулочках у бабенки в погонах смотрелись очень прилично. А он-то в этом деле толк знал, кое-что понимал, несмотря на свои юные годы.

– Выправим тебе приличный аттестат...

Изменчивая судьба предоставляла ему шанс, и он решил им воспользоваться. По крайней мере, ничто, на его взгляд, не мешало ему попробовать. Если у них не сладится, то уйти он всегда успеет.

Мимо пролетали терриконы, отвалы пустой породы, между ними сиротски теснились шахтерские поселки, редкие сады. Вишня цвела, цвел абрикос, цвела черешня. Ветер доносил дурманящий запах. У Сержа кружилась голова. И больше всего от томительной неизвестности. Пытался он предугадать, что ждет его впереди...

Первые дни они приглядывались друг к другу. И хотя и Софья Александровна, и пацан наверняка знали, что рано или поздно они все равно придут к тому, ни одного слова, ни одного намека по этому поводу ни произнесено, ни сделано не было.

В свои тридцать шесть лет Сонечка давно избавилась от чистых идеалов, наполнявших ее светлую головку в юности. Она стала другой, холодной и расчетливой, знала, как и что ей взять самой от жизни, если некоторые правила воспрещали позволить себе то или иное открыто и легально.

Если женщина все еще сомневалась в том, что поступает верно, то Серж опасался, что своей бесцеремонной настойчивостью может нарушить то хрупкое равновесие зарождающегося доверия, которое только-только установилось между ними.

– Доброе утро, Софья Александровна...

– Ты можешь называть меня просто Соней.

– Конечно, Соня...

Женщина не просила величать ее мамой, понимала, что будет выглядеть глупо. К тому же, Сонечка предусмотрительно снимала моральный барьер перед их будущим сближением.

По ночам парень чутко прислушивался к тому, как женщина ворочается, глухо стонет, потом засыпает. Утром у нее под глазами лежали тени, которые она тщательно мазала кремом и пудрила.

– Доброе утро, Соня...

– Доброе утро, Сереженька...

Целыми днями он корпел над книжками, готовился, усиленно наверстывал пропущенное. Постепенно он втянулся. В перерывах между занятиями Серж от нечего делать бродил по городскому рынку и ради одной забавы подворовывал. Там апельсину стащит, тут мандарину упрет. К пяти пацан неизменно шел на квартиру.

– Добрый вечер, Соня...

– Добрый вечер, Сереженька...

Возвращалась женщина домой с работы уставшей. Привыкнув к его присутствию, Софья Александровна переодевалась, для вида повернувшись к нему спиной. При желании он мог сделать шаг в сторону и увидеть ее всю в зеркале. И она прекрасно знала об этом и ничего не предпринимала, чтобы предотвратить возможное с его стороны подглядывание. Напротив, сама упорно подталкивала...

– Поддай мне, пожалуйста, полотенце...

В приоткрытую дверь Серж видел, как она неспешно промокает свое стройное, ни капельки лишнего жира, тело.

– Натри мне спину кремом...

По выходным она загорала на балконе. Если, конечно, погода позволяла понежиться под солнечными лучами. Сгорая от жгучего желания, парень дотрагивался до ее нежной кожи, с годами не утратившей шелковистую упругость текстуры.

– Тесемки развяжи...

Аккуратно распуская парень завязки купальника. Короткими и нежными движениями втирал он в кожу крем от загара. Женщина ничего не говорила, лежала, уткнувшись лицом в подушечку, почти не дышала, когда его пальцы опускались все ниже и ниже. Осмелев, его ладони мягко ложились на тугие ягодицы. Соня вздрагивала, но не останавливала его. Ей нравилось, ей было хорошо. Она давно уже не жалела о том, что пустилась, как ей поначалу казалось, на совершенно безумную авантюру – пустить в свой устоявшийся мир незнакомого и диковатого паренька.

– Чуть ниже...

Ее затаенное, слегка завуалированное желание Серж понимал без лишних слов. Его пальцы проникали между целомудренно сведенными бедрами, ласково и нежно массажировали внутреннюю поверхность, наперекор высказанной вслух просьбе исполняли ее скрытое ожидание. Легкими прикосновениями раздвигая нежные складки, указательный палец неожиданно для него проваливался, утопал, не встречая должного сопротивления в обволакивающую, обильно покрытую влагой внутреннюю плоть.

– Как хорошо... – едва слышно выдыхала Сонечка.

Поощренный, он трудился в поте лица...

Казалось, их изощренной пытке неудовлетворенным желанием не будет конца. Никто никогда не осмелится сделать первый шаг. А случилось все просто и обыденно. Ожидание праздника оказалось намного волнительнее, чем сам праздник.

На календаре стоял промозглый сентябрь, самый его холодный конец. На улице иней утренними заморозками покрывал жухлую траву, а редкое дневное солнце застенчиво-стыдливыми лучиками едва прогревало столбик термометра на пару-тройку градусов.

За последние дни квартира катастрофически остыла, по утрам изо рта шел парок. И Сонечка в пятницу вечером кинула на диван не одну, а две подушки.

– Двум индейцам под одним одеялом теплее, чем одному...

И Серж намек понял. Когда он вернулся из ванной, в комнате владычествовала темнота, но его с нетерпением ждали.

– Ложись, согрей меня...

Приглашая его, приоткрылось одеяло, и парень охотно юркнул в узкую щель, устроился. Женщина лежала к нему спиной и не шевелилась, казалось, она вообще отсутствует, лишь дыхание едва доносилось до Сержа, сдерживаемое и учащенное, оно и выдавало ее взволнованное существование.

Чуть шевельнулись холодные женские лодыжки, и ледяные ступни поползли в поисках тепла, нашли, замерли. Отогреваясь, они оживали и чувственно расслаблялись.

Не поворачиваясь, Сонечка отыскала его руку, горячая ладонь легла на тугую женскую грудь и благодарно сжала ее, наслаждаясь нежностью молочной плоти. Осмелевшие пальцы нашли сосок и слегка надавили, вырывая из женских уст сладостный стон.

– Как долго я ждала! – едва слышно прошептала Сонечка.

Не вставая, они провалялись до самого обеда. На женском лице разлилась умиротворенная усталость.

– Ты понимаешь, что никто не должен знать...

– Да, Соня...

Закрывая глаза, женщина потянулась к нему...

Они оба жили от одной близости до другой. Сонечка бежала домой, ни одной лишней минуты не оставаясь на работе после того, как часы пробьют пять ударов. Серж после школы шел во Дворец спорта, два часа занимался борьбой и к четырем всегда переступал порог дома, быстро делал уроки, успевал управиться до прихода жаждущей его щедрых ласк женщины.

– Я по тебе соскучилась! – шептала Сонечка, сбрасывая с себя верхнюю одежду, извиваясь и стаскивая с бедер юбку, скидывая кофту, расстегивая бюстгальтер и избавляясь от трусиков.

А время летело стремительно, день за днем, Серж не заметил, как пришла весна. Подготовка к выпускным экзаменам, сами экзамены. Он старался, и его труд с лихвой вознаграждался. По всем предметам он получил пятерки. И как итог: серебряная медаль. И все благодаря Софье Александровне, которая во время замены его документов при оформлении

на новую фамилию сумела завести на учащегося десятого «В» класса Шутова Сергея новое личное дело, где красовались в основном одни отличные отметки...

Не зря Сонечка тянула своего приемного сынка на медаль, знала, что с ней поступить в военное училище у Сержа шансов будет намного больше. Москва – город большой, число желающих обучаться в столице во много крат превышало ежегодный набор.

Но Шутов поступил. Сдавал парень один письменный экзамен по математике, справился он с ним успешно. Покусывая губки, Сонечка помахала ему ручкой и уехала к себе домой.

Снова она осталась одна. За год Соня привыкла к тому, что рядом с ней живет человек, которому нужна, в котором нуждалась она. Единственным утешением стало то, что Сонечка точно знала, что внутри у нее зародилась новая жизнь. Она добилась своего, все точно рассчитала. У нее еще оставался последний шанс родить и иметь своего собственного ребеночка. Годы идут-идут, и скоро окажется обидно поздно. И так она многим рисковала...

И назвали девочку Анечкой. Анечка... Почти как Аннет...

В своих мыслях Серж уже не разделял для себя два этих имени. Аннет и Мирослава. Мирослава и Аннет...

Второй бабой, которая приняла в его судьбе непосредственное участие, стала старший преподаватель кафедры математики Лариса Дмитриевна Княжко.

Высокая женщина, стройная, в общем, в его вкусе. Хотя, вместе они смотрелись несколько вызывающе смешно. Ввысь вымахала преподаватель почти на голову выше его. Хотя, как он понимал, в отношениях между мужчиной и женщиной рост и вовсе не помеха.

Высшая математика давалась ему с трудом. Видно, весь свой данный ему от природы потенциал он израсходовал еще в средней школе. На большее его извилин уже не хватило, не тянули они, все тормозили и не ко времени ужасно стопорили.

А больше всего, наверное, закипали его мозги оттого, что приходила Княжко в класс всякий раз в одних схожих платьях, обтягивающих, из тонкой шерстяной материи. Когда она спиной поворачивалась к тяжело сопевшим парням, Серж отчетливо видел выделяющиеся полоски трусиков, кровь у него поступала резкими толчками, дыхание спирало. Включалось воображение. Мысленно он представлял себе женщину полностью обнаженной. Какие уж тут к чертям собачьим интегралы и радикалы...

Краем глаза Шутов видел, как топорщились штаны у соседа, как нырял тот кулаком в карман и увлеченно толкал шары, лихо разыгрывая скоротечную партию в ручной бильярд.

И на самоподготовке ему было не до кривых второго порядка. Вместо того, чтобы готовиться к последующим занятиям, курсант Шутов бегал в самоволки, рискованно играл парень с огнем.

На двенадцать с полтиной, что ежемесячно выдавали всем без исключения курсантам, сильно не разгуляться, а Шутов привык к определенному образу жизни с веселыми подружками и винцом.

Конечно, Софья Александровна изредка высылала ему десятку-другую, но то оказывалось каплей в море окружавшего его со всех сторон соблазна, завлекательно сулящего океан удовольствий.

Вспомнив прошлые привычки, Серж слегка подворовывал в магазинах, где имелось самообслуживание. Он незаметно брал с прилавков пачки сигарет, бутылки со спиртным, умудряясь все прятать под шинелью. Со временем парень наловчился...

И поймали его, как ни странно, не с поличным. Выловил его, вернее, засек воина, шатающегося в неположенное время в городе, военный патруль.

– Товарищ курсант, стойте! – раздался сбоку грозный окрик.

Не оборачиваясь, Шутов рванул с места, как на стометровку, дал деру. Выпала, разбилась бутылка с водкой, другая покатилась.

– Ну, падло! – в сердцах выругался Серж, приводя дыхание в норму в первой попавшейся ему по пути подворотне.

Ему до слез было жалко напрасно потраченного труда. Добытая с немалым риском водочка досталась быстро отставшему патрулю в качестве боевого трофея и вещественного доказательства.

Пока он добирался до училища, объявили общее построение и проверяли всех по спискам вечерней поверки. На их КПП торчал угрюмый помощник военного коменданта гарнизона, вдоль всего училищного забора рыскали усиленные патрули.

– Засада! – Серж попятился назад. – Гады, обложили...

Наблюдая из-за угла, он попытался прокачать обстановку, но все никак не находил разумного и приемлемого для себя выхода.

– Шутов! – раздался позади него вкрадчивый женский голос. – Это не тебя ли, сорванца, ищут? Все училище поставили на уши. Трясут всех так, что пыль столбом стоит...

Оказалось, что за пределами учебного заведения мадам Княжко могла разговаривать не только официально строго и назидательно. И в курсе всего происходящего она находилась по самой простой причине, что муж ее служил командиром взвода в их же училище.

– Может, и меня... – Серж пожал плечами и насупился.

В голову ему пришла мысль, что патруль, по всей видимости, о его бегстве сразу сообщил в комендатуру, и по его душу устроили облаву, обложили флажками, как волка или медведя в берлоге.

– Пошли со мной...

Жили Княжко на съемной квартире в ста метрах от училища. Не разуваясь, Лариса Дмитриевна прошла в комнату, позвонила по телефону, набрав номер дежурного по училищу.

– Игорь! – женщина озорно подмигнула переставшему дышать курсанту. – Забыла тебя сразу предупредить. Кран у нас в ванной прорвало. Так я твоего бойца Шутова прихватила с собой. Сейчас он полы уже подтирает. Потом приступит к замене крана...

На том конце сердито выговаривал жене возмущенный ее безрассудством помощник дежурного по училищу капитан Княжко.

– Ну, виновата, – Лариса Дмитриевна огорченно вздохнула. – Да, через часик я сама его приведу. Нет, Игорек, ты хотел бы, чтоб затопило всех соседей до первого этажа?.. Да, так и скажи... А мне плевать на твою службу... В следующий раз сам будешь краны менять... Ага, я знаю, что кроме авторучки, ты больше ничего сам в руке держать не можешь... Я тебя тоже целую...

Не дыша, курсант замер в прихожей, выставив ухо в дверной проем, стараясь не пропустить ни одного слова.

– Ну, приступай, – Лариса Дмитриевна открыла дверь в ванную комнату и показала на подтекающие трубы.

Вооружившись разводным гаечным ключом, Серж усиленно пыхтел, выворачивая прикипевший сгон, снимая проржавевший до самого основания кран холодной воды.

– Купила... – женщина показала ему два новеньких латунных крана на полдьюма. – Сойдут?

– В самый раз! – парень удовлетворенно кивнул.

Не ожидал он, что жена Княжко с первого же раза принесет именно то, что требовалось. Насколько он знал капитана, тот особо в технике не разбирался. Приятный сюрприз...

Ротный долго еще потом кричал на Шутова, но у того нашлось алиби. Выговор ему, конечно, перед всем строем подразделения объявили за то, что покинул территорию городка

без разрешения командиров. А большего предъявить ему не смогли. В тот день не он один шатался по городу. Бродяг нашлось с добрый десяток.

Их всех таскали в комендатуру на опознание, проводили очные ставки с начальником патруля. Бедный майор, видать, зарекся в следующий раз сообщать о беглецах. Досталось ему от коменданта по самое первое число за то, что «раззявил варежку» и упустил, не смог задержать самовольщика. Вот и проявляй усердие...

Второй кран, тот, что от горячей воды, Серж менял через два дня. На этот раз курсанту официально выписали увольнительную записку и отпустили его ровно на три часа.

– Шутов, признайся, подлец, – Лариса Дмитриевна наклонилась к нему, усердно копошившемуся под раковиной, женские зрочки неотвратимо приближались, – раздевал меня глазами на уроках?

Бедный парень почувствовал, как тоненькая струйка холодного пота побежала у него по спине. Он моргнул и в раздвинувшихся полах халата увидел стройные бедра, белеющую материю.

– Да, я... – челюсть у него непроизвольно вывалилась.

И от того, что он услышал, и от того, что видел перед собой.

– Не свисти, все равно не поверю. Все вы на один манер сшиты, у всех одна похотливая мысль вертится в скудном умишке...

Гаечный ключ с глухим стуком выпал из его разжатых рук.

– Ну, как? – скинув халат, женщина выпрямилась.

– Обалдеть!

Фигуркой Княжко обладала отменной, точно, как у Аннет.

4

Дождевые тучи накрыли не только один военный городок, они плотно затянули весь ночной небосвод. Раздраженная надоедливym стуком в окно, Славка с шумом задернула плотные шторы. Дождь, обидевшись, будто поутих и перестал тарабанить по стеклу.

– А вот и я! – игриво произнес Костик, выходя из ванной.

Не менее двух часов он провел в ней, приводя себя в порядок после полигона, отмокая в горячей воде. Вместе с очищением от грязи к лейтенанту вернулось благодушное настроение.

– Нет, зря ты, Мира, – устраиваясь в постели, произнес он, – заставила меня порвать мой рапорт. Представляешь, Рэм открыто живет тут в городе с женой Мишки Спивака. Вот наглец!

Признаться, этот факт до сих пор не давал ему покоя, внутри у него сидел гнусоватый червяк, который все ковырялся-вертелся...

– Дался тебе Валишев... – лениво протянула Славка. – Оставь ты его в покое. И дай мне, Баталов, поспать. Завтра у меня трудный день, важная встреча...

В одиннадцать часов она намеривалась свидеться с одним человеком, и ей хотелось бы отдохнуть, чтобы выглядеть на все сто процентов. Ибо главным ее оружием выступала красота. В придачу, конечно, к уму. А девочкой она слыла весьма смышленной...

В тиши нагретого кабинета слышалось учащенное женское дыхание. Глаша широко раскрытыми глазами глядела на мужа.

– Мне было хорошо...

– Мне тоже...

Старший лейтенант встал, заботливо прикрыл жену армейским плотным шерстяным одеялом и потянулся к одежде.

– Мы с тобой не поторопились, – озорно прищурилась Глаша, глядя на мужа, – оставить их одних?

Нетрудно было догадаться, что ее мысли перескочили на Машу и Дегтярева, от которых они проказливо сбежали.

– Чужая душа – это потемки, – Серж неопределенно пожал плечами. – Мне показалось, что они оба хотели остаться наедине.

– А какие темные уголки у нас тут? – женщина дотронулась до мужского лба. – Что за скелеты в нашем шкафу...

– Сплошные лабиринты, забитые костями...

Мог бы он еще добавить, что в них змеями кишат всякие думы. Серж несколько не озаботился тем, что скажут, увидев, как Глаша с утречка выплывает из его кабинета. Как зав офицерской столовой ей полагалось время от времени сверять списки. А потому она по утрам частенько забегала к нему. Его волновало нечто иное...

Кинув на разводе настороженный взгляд в сторону начальника склада боеприпасов, Серж окончательно убедился в том, что все он рассчитал верно. Прапор после хорошей попойки едва притащился на негнущихся ногах, стоял в строю, покачиваясь маятником.

Прежде чем добраться до склада, Степаненко заглянул в одну из рот, к дружку своему старшине Лебедеву. Распив в каптерке на двоих бутылку, они вместе отправились в караульное помещение, где Федька расписался в постовой ведомости о вскрытии объекта.

– Фу, Степаненко, надышал! – поморщился начкар.

Глупо улыбаясь, Федька продефилировал к выходу.

– Ты меня уважаешь? – стараясь идти ровно и не качаясь из стороны в сторону, справился он у топающего рядом Лебедева.

– Уважаю! – кивнул ротный старшина.

– Идем ко мне...

Трясущимися пальцами, не глядя на сам оттиск, Федька сорвал печать, едва не оборвав шнурок, сунул слепок себе в карман. Ключ упорно не хотел вставляться, пришлось вмешаться Лебедеву. С его помощью Степаненко справился с замком, дернул на себя дверь.

– Вот мы и дома! – тяжелые шаги протопали по цементному полу, оставляя после себя влажные подтеки, затаптывая подсохшие грязевые разводы, на которые не обратилось должного внимания.

Ни начальник склада, ни его дружок в упор не заметили, что ночью в помещении кто-то побывал, по одной лишь самой простой причине: оба они на глаза почти ничего уже не видели.

– Вот, зараза! – Федька сильно огорчился, обнаружив, что сейф на наличие спиртного оказался издевательски пуст.

Развалившийся в скромно стоявшем в уголочке стареньком скособоченном кресле, Лебедев пьяно икнул и озадаченно моргнул:

– Чего ты меня звал, а?

Складской начальник, нахмутив брови, выставил перед собой указательный перст:

– Семен, все под контролем!

Оставив дружка одного, Степаненко поспешно, насколько ему позволяли подкашивающиеся ноги, засеменял к боксам с техникой.

– Стой! – прапорщик с ходу уперся в шагающего ему навстречу старшего лейтенанта Иванюка. – Петька, гони бутылку! Ты мне должен! Забыл, что на полигоне за гильзы не отчитался...

Минут через десять дверь на складе надежно заперлась ото всех любопытствующих прохожих с внутренней стороны.

– Наливай! – Федька оживленно потер ладони.

Опрокинув в себя противно пахнущую жидкость – немцы водку так и не учились толком гнать, Иванюк блаженно прикрыл глаза. Тепло потекло по кишкам, отошли в сторону дурные мысли о том, что ночью опять поссорился с женой, поднял на нее руку...

Мимо склада прошли замполит и комсомолец полка. Толкнули дверь, но она не поддавалась. Подполковник Шубников махнул рукой и двинулся дальше. Его больше интересовало то, как организовали перевод техники на весенне-летнюю эксплуатацию. Приказом по части на этот период бойцам выдавался дополнительный паек. В него входили хлеб, сало, конфеты...

Желающих наложить руку на то, что долженствовало дойти до солдата, всегда находилось немало, и замполит пытался отследить всю цепочку от продовольственного склада до солдатского стола...

В отличие от замполита Баталова занимали другие мысли. Ему все не давал покоя один из его сокурсников, Валишев...

А Валишев в Потсдаме в последнее время давно не появлялся, целыми днями безвылазно пропадал в парке. Боевую технику в арtpолку избавляли от полигонной грязи. Гусеницы снимали с катков и тонким слоем покрывали смолой, гудронировали, чтобы те густо не ржавели, пока машины стоят на длительном приколе.

Куда ни посмотри, всюду работы непочатый край. Отдраивая вооружение, одновременно они готовились к очередной проверке. Облезшую местами за зиму технику подкрашивали, подмазывали.

«Двадцатку» Рэма заново покрыли снаружи зеленой защитной расцветкой, а внутри все окрасили в ослепительно белый колер. Там, где полагается, навели строгие красные линии и подправили надписи. В непрерывных заботах время летело...

В половину одиннадцатого Славка вышла из дому, накинув на себя приталенный кожаным ремешком темно-вишневый плащ модного, но ближе к строгому стилю покроя. Лакированные туфли на высоких каблучках смотрелись очень изящно и подчеркивали стройность ее фигуры. В руках девушка держала дамскую сумочку из высококачественной искусственной крокодиловой кожи.

– Bitte... – Славка на приличном немецком языке назвала адрес одного из научно-исследовательских институтов. – Поехали...

Неспешно прогуливаясь возле входа, девушка внимательно посматривала по сторонам, на всякий случай запоминала, кто и как проходит мимо сухонького старичка вахтера, проверявшего, но не у всех пропуска и документы.

Без трех минут одиннадцать Славка вошла и показала дедку свой разовый пропуск, выписанный на имя Аннет Миллер.

– Ausweiß, ihre Papier! – заученно потребовал страж.

Одарив бдительного вахтера очаровывающей улыбкой, Славка выудила из сумочки паспорт гражданки ГДР Аннет Миллер.

– Bitte! – вахтер даже не удосужился сличить фотографию и пригласил посетительницу пройти через «вертушку».

На процедуру проверки ушли полторы минуты. Пока Славка поднялась на скоростном лифте на девятый этаж, секундная стрелка успела пробежать чуть больше круга. На десять шагов до кабинета №917 оставались двенадцать секунд. В одиннадцать часов девушка постучала в дверь, слыша, как внутри пикает радио.

– О, Аннет! Вы, как всегда, точны! По вам можно сверять часы, – профессор Вольф поднялся ей навстречу, на его лице появилась деланно восхищенная улыбка.

Галантный мужчина помог Славке снять плащ, и она осталась в строгом сером костюме.

– Вы очаровательны! – немец взволнованно протер платком вспотевшую затылочную часть. – О, Аннет!

Цепкий взгляд профессора сумел заглянуть за отвороты жакета, наткнулся на ослепительно белоснежную чашечку бюстгальтера, почти не скрывающего нежно-молочную плоть.

Когда Славка села на предложенное ей кресло, короткая юбка натянулась, и мужчина увидел светлую полоску, не скрываемую тончайшими чулками. Профессор втянул в себя обильно потекшую слюну, торопливо поправил узел галстука, будто ворот рубашки ему нещадно жал...

В мотострелковом полку тоже готовились к проверке. Почти весь личный состав пропал в парке. Офицеры дневали там и чуть ли не ночевали, уходили домой с опускающейся темнотой.

– Машку мою верни! – Петька с силой потянул на себя плечо Дегтярева. – По-хорошему тебя прошу!

Прошло три дня, как его жена ушла и не вернулась. Нигде, кроме как на своем рабочем месте в офицерской столовой, она не показывалась, старательно пряталась от Иванюка.

– У меня ее нет... – капитан пожал плечами. – Хочешь, пойдешь, сам посмотри, если не веришь...

Набывшись, старший лейтенант взирал на Дегтярева, как на самого злейшего врага, и видел в его глазах одни издевательские огоньки, понимал, что капитан все знает, но правду ему не скажет.

А истина состояла в том, что Маша возвращаться к мужу не желала и идти жить к Артему тоже не соглашалась...

– Ты, подруга, что, совсем? – Славка непонимающе покрутила пальчиком возле виска. – Белены объелась? Стукнут Шубникову, что ты снюхалась с Дегтяревым, завтра же упакуешь чемоданы...

Жена Баталова привычно достала сигаретку. В последнее время пристрастилась к куреву. Поначалу баловалась, потом втянулась.

– И что мне делать? – Машка тяжело вздохнула.

– Живешь пока у Глаши? – Славка прищурилась. – Позови ее. Мне надо с ее мужем переговорить.

Поправив белый передник официантки, Машка вышла, через минутку вернулась, приведя с собой Шутова, который завтракал через стенку. Серж по-прежнему питался в столовой. Выходило им обоим с женой удобно, избавляло от излишних хлопот с готовкой.

– Все у тебя получилось? – тихо спросила Славка, когда дверь за Машкой плотно прикрылась.

Отпив из рюмки глоток, старший лейтенант кивнул. Коньяк ему нравился. Плохого пошла для начальства у них не держали.

– Пусть Сеня передаст товар вот этому человечку, – женщина развернула листочек, дала Шутову прочитать, а потом щелкнула зажигалкой. – Загоруйко на днях сделал ему заказ.

Моргнув, мужчина невольно потянулся рукой к рюмке. Теперь у него в голове все сложилось. Задуманная Славкой комбинация приобрела реальные очертания. Человечек из бумажки давно уже занимался сбытом краденного, скупкой его и перепродажей. Речь шла о боеприпасах, приборах и об оружии...

Подполковник Загоруйко исполнял обязанности заместителя командира части по тылу. Под метр девяносто ростом, с бычьей шеей и лицом, не вмещающимся в фотокарточку на документы.

Нагловатый, хитрый и расчетливый хохол непостижимым для многих простых людей образом умудрялся за год отправлять на родину по два-три пятитонных контейнера, набитых сантехникой и плиткой, декоративными плитами ДСП, и все ему сходило с рук...

– До праздника осталось два дня... – напомнила Славка.

– Я помню, – Серж усмехнулся. – Я приду...

Вернулась Глаша, присела рядом, смотрела на жену Баталова по-собачьи преданными глазами. Всегда она помнила о том, чьими стараниями досталось ей место заведующей столовой.

– Как муж? – Славка прищурилась.

– Он привыкает ко мне...

Постучав пальчиками по столу, гостя посмотрела Глаше прямо в глаза и в упор спросила:

– А ты?

– Мне другого мужа не надобно.

– Вот и ладненько, – Славка поднялась. – Не провожай, дорогу сама найду...

Свою миссию она выполнила. Задачу Сержу поставила, заодно подтвердила договоренность о встрече с ним. Баталова дома на праздник, как всегда, не окажется, и она, наконец, отведет душу.

На восьмое марта Рэму, как молодому и холостому, доверили несение службы в наряде. А еще говорили, что дедовщины среди офицеров в армии не существует. Так что, в город он постарался попасть с утрачка пораньше, чтоб к шести вечера вернуться.

Сами немцы, как и во всем оставшемся мире, женский праздник с упорством не признавали. Хоть и придумала его их знаменитая землячка Клара Цеткин. А международным он являлся единственно в кругу братской семьи народов, населяющих СССР.

Вернулась с ночной смены Маринка немного усталая, но, как обычно, веселая и жизнерадостная. Настроение ее взлетело, когда она увидела на вешалке его одежду. А букетик нежных алых тюльпанчиков привел ее в окончательный восторг.

Сколько всего, вообще-то, женщине надо? Немного внимания, капельку душевного тепла, и она готова растаять от счастья.

Маринке казалось, возможно, так оно и было, что становится она парню все ближе и ближе. А все его слова – одни лишь слова.

Просто он боится признаться кое в чем самому себе. Время исподволь свое дело ладит. После возвращения с полигона, он у нее появляется все чаще.

– Рина, если хочешь, то мы можем съездить и посидеть где-нибудь пару часов, – парень, как галантный кавалер, предоставлял ей возможность сделать окончательный выбор самой.

– Нет, Рэм, – не задумываясь, отказалась она. – Я хочу видеть только тебя. У нас есть, что поставить на стол. Получится не хуже, чем в ресторане.

– Как скажешь...

...Она то засыпала, то снова просыпалась, словно от испуга, что он уже ушел. А он был рядом и смотрел на нее с ласковой улыбкой, стоило ей чуть приоткрыть глазик, чтобы в том удостовериться.

– Рэмка, ты всегда бываешь такой разный. Ты почти никогда не повторяешься.

– Ты про что? – не понял он и поэтому прищурил левый глаз.

– Я хотела тебя спросить, – она немного смутилась и замолчала.

Не представляла она себе, как про то спросить, с чего начать. Может, он сам ей поможет? Кинула женщина на Рэма призывный взгляд, но он в ответ лишь пожал плечами:

– Я, Рина, теряюсь в догадках по поводу твоего вопроса...

Не в первый раз он вынужденно признавался в том, что не улавливает смысла и не понимает того, к чему она клонит. Дину он всегда понимал с полуслова. Понимал или думал, что понимает...

– У тебя было много женщин? Я до сих пор о тебе почти ничего не знаю. Ты мне никогда ничего не рассказываешь про себя.

– Много, Рина, много, – загадочно улыбаясь, пряча под маской все свои потаенные мысли, обронил он.

– Много? – женщина оживилась.

Так она и полагала, судя по его искусственности в некоторых деликатных и интимных вопросах.

– А сколько, если не секрет? Какая я по счету?

– Ты? – в его глазах сверкнули веселые огоньки. – Ты у меня по счету... раз, – он принялся загибать пальцы, – два... вторая.

– Вторая? – женские глазки озадаченно хлопнули.

Марина ждала, что у него не хватит всех пальцев на руках, а тут... Нет, он, по обыкновению, слегка подтрунивает над ней.

– А где же все остальные?

– Ты, Рина, ты и есть все мои остальные женщины, кроме одной, первой, – он дотронулся пальчиком до пуговки ее носа и нажал на него, как на кнопку электрического звонка.

– Подожди-ка, – Марина посмотрела на него недоверчивым взглядом. – Ты хочешь сказать, что она?

Кое-что женщине припомнилось. Дина ей рассказывала. Но она отнеслась к тем словам с некоторым скептическим недоверием.

– Да, она была у меня первой, – он грустно усмехнулся. – И я думал, что она будет единственной в моей жизни. Не вышло...

Судьба-разлучница распорядилась по-иному, вдрызг разбила всю его жизнь, безжалостно развеяла по ветру все его «розовые» мечты и крест-накрест перечеркнула все благие намерения...

– Откуда же все твои познания в...

– Ты хотела сказать в... – он показал на постель.

– Да, – она смутилась и покраснела.

Посмотрев на нее, Рэм снисходительно усмехнулся. Неужто для того, чтобы уметь любить, следует зайцем перепрыгивать из одной постели в другую, доведя счет своих побед до сотен...

– У меня, Рина, в свое время была прекрасная учительница, искусно разбиравшаяся во всех тонкостях.

– Так, значит, ты у нее был не первым? Она не была...

Женские брови задумчиво сошлись у переносицы. Выходит, что Дина поведала ей чистую правду.

– Получается, что так, – согласился он.

– И как же ты к этому относился? – Рина затаила дыхание.

– Я? – Рэм неопределенно пожал плечами и пренебрежительно усмехнулся. – Никак. Меня данный вопрос просто не волновал. Для меня данного вопроса не существовало, и все. Для меня ее жизнь началась со встречи со мной. Ее прошлое меня не интересовало.

Марина моргнула. Как можно? Нет, этого она постичь не могла.

– Тебя трудно понять, но, может, ты и прав, – женщина забавно подвигала носиком. – И ты мог бы, случись чё, простить ей измену?

Глядя ей в глаза, Рэм качнул головой:

– Это, Рина, вопрос гипотетический. Как можно предположить то, чего никогда не может быть? Честно сказать, я ей полностью доверял. Подобной мысли у меня никогда не возникало.

– А сейчас?

– А что толку говорить сейчас? У меня своя жизнь, как видишь, рядом с тобой. А у нее? Я не знаю, я сейчас... ничего не знаю...

По его немного растерянному взгляду она, наконец, поняла, что своими расспросами ненароком влезла чуть дальше, чем следовало бы. Нельзя все время дуть на угасающие угли...

В огромной печи ровно гудело пламя. Невысокий, худощавый мужчина в черной спецовке сквозь круглые отверстия смотрел на угли, жарко пылающие розовым цветом.

По проложенным по полу рельсам катилась тележка. Толкал ее перепачканный в угольной пыли узкоглазый боец. Опрокинув тачку и выгрузив ровные поблескивающие брикеты с антрацитом, воин достал смятую пачку сигарет без фильтра, прикурил.

– Праздника сегодня, Николай... – показались два белых ряда зубов и задвигались. – Казаха тоже человека. Стола ждет, работа кончай, бешбармак кушай...

Тот, кого называли Николаем, трудился старшим кочегаром, по сути, он исполнял обязанности начальника, поскольку прапорщик у печи появлялся изредка. Штатный начальник котельной больше занимался вопросами, лишь отдаленно связанными с подачей тепла

и горячей воды. Степка Ковальчук под чутким руководством зама по тылу сбывал немцам сэкономленный уголь. Еще два года назад он служил тут простым кочегаром. Случайно выяснилось, что они с Загоруйко из одного села. Подполковник уговорил земляка, чтобы тот остался на сверхсрочную службу. Степка, имея за плечами строительный техникум, получил погоны прапорщика.

– Еще две ходки сделаешь, и амба, – распорядился Николай.

В его прямые обязанности входило то, чтобы ни в коем случае не произошло перерасхода угля. А в праздник температуру котлов рекомендовалось чуть уменьшить. Народ гуляет, ему и так жарко...

Широкая туша заслонила собой весь узкий проход, откуда в кочегарку полоской проникал дневной свет. По кованым железным ступенькам грузно топали расшитые в икрах хромовые сапоги 47-го размера. Под каблуками, подбитыми металлическими подковами, жалобно захрустела угольная крошка.

– С праздником, Николай! – зарокотал густой голос.

– Я не женщина, товарищ подполковник, – усмехнулся старший над кочегаркой. – Не с чем меня поздравлять...

Нехитрый юмор начальство оценило, широко заулыбалось:

– Сейчас и женщины придут, какой же праздник без них...

Приблизившись к печи, зам по тылу протянул к ней могучие кулачища, разжал их, растопырив пятерней толстые и коротковатые пальцы с зазубренными, в заусеницах неаккуратными ногтями.

– Тепло тут у тебя. Сауна готова? – хитровато прищурился он. – Народ ждет...

Щебечущий женскими голосами народ в количестве трех особ мелкими шашками просочился по проходу в направлении оббитой деревом двери. Дорогу к ней посетительницы знали хорошо, не в первый раз навещали котельную, проторили народную тропку.

– Войтех еще не пришел? – спросил подполковник, косясь в сторону зазывно мелькающих в меру оголенных женских ножек.

– В каморке у меня сидит, вас дожидается...

Когда трое мужчин зашли в парилку, к их приходу все было готово. Две дебелые банщицы держали в руках венчики и мочалки, тоненькая подручная наполняла водой жестяные тазы.

– Gut! – довольно крикнул подполковник. – Порядок в танковых войсках. Банная рота, строиться!

Привычные к причудам начальства женщины собрались в одну кучку, подровнялись в линию, поправили переднички, накинутые на голые тела, вытянули вперед подбородки, выпятили торчащие из-под материи вызывающе белеющие разнокалиберные груди.

– Манька! – представил Загоруйко первую женщину.

Правофланговой банщице давали под сорок. Может, ей было и меньше, но жирные тела молодости не добавляли. Пудовая грудь тяжело свисала, чуть ли не до самого пупка, скромно зарывшегося в многочисленных складках огромного живота. Обнаженные ноги выглядели, как мощные железобетонные опоры железнодорожного моста. Ручища она имела, как у молотобойца. После того, как баба обрабатывала клиентов мочалкой, тем казалось, что они попали в рай. Работала женщина в солдатской столовой старшим поваром.

– Верочка! – ткнул пальцем в торчащую грудь подполковник.

Начальствующий взгляд просветлел. Кладовщица слыла его гордостью. Она брала своей мощной статью, данной ей от природы. Широкая в кости, лишнего жира Верочка не имела. Тугая была, как спелый абрикос, вот-вот соком брызнет. Многие мужики тащились от нее, сатанели, распробовав на вкус, входили в неопиcуемый раж.

– Любка... – снисходительно хмыкнул начальник.

Крайняя девушка, на его взгляд, казалась тоща и худа. Но, как он понимал, на каждый овощ всегда находился свой покупатель. А потому держал он в своей обойме и мелкокалиберный снаряд, что числился в штате продовольственной службы полка.

– К помывке... приступить!

Не первый раз принимавший участие в подобном мероприятии, Николай отдал себя в худенькие Любкины руки. Он хорошо знал, что Верка достанется гостю, а зам по тылу после того, как зальет себе глотку коньяком, уединится с Манькой. Имел их начальник болезненную слабость к ее трясущимся холодцом телесам. Жирный боров нездорово тяготел к необъятным прелестям самки бегемота.

После первой рюмки Загоруйко остался наедине с Войтехом. Бабье со смехом ринулось в парилку смывать с себя праведный пот и порезвиться, плескаясь в огромном чане-бассейне.

– Ну, как насчет моего вопроса?

– Обещали через неделю принести, – ответил гость. – Цену себе набивают. Или опасаются. Боятся подставы...

Хоть и был Войтех по национальности поляком, разъяснялся он на русском языке довольно сносно, запросто походил издалека на западного украинца.

– Трудные времена настали, никому нельзя довериться...

Жалуясь и сетуя на стесненные обстоятельства, гость сквозь приспущенные ресницы зорко следил за реакцией подполковника. На самом деле, он уже раздобыл то, о чем просил его Загоруйко. Накануне ему принесли два новеньких вороненых «ствола». ПМ – 9-мм пистолеты Макарова папахивали заводской смазкой. АК-74-й давно уже лежал у него в тайнике, терпеливо ждал своего часа...

Плотные шторы не пропускали в комнату дневной свет и создавали иллюзию позднего вечера, хотя солнышко едва-едва лишь докатилось до зенита и остановилось передохнуть на горке.

Посреди стола высился старинный бронзовый канделябр. Три витые тонкие свечки горели неярким желтым светом, отбрасывая по стенам причудливо колыхающиеся тени.

– Мне пора уходить... – мужчина ласково провел ладонью по обнаженной женской спине. – Мирослава...

Тоненький пальчик с нарочитой сердитостью постучал по его полураскрытым губам, будто укоряя их:

– Называй меня в этой комнате Аннет...

– Аннет! – Шутов с силой притянул покорно подавшееся тело к себе, крепко обнял. – Ты не представляешь, как я тебя люблю...

Из соседней комнаты донеслась настойчивая трель дверного звонка. Немного погодя, снова позвонили. Потом еще...

– Черт! Принесла кого-то нелегкая... – женщина, недовольно хмурясь, поднялась, накинула на себя халат.

Легкими неспешными шагами Славка прошла через смежную комнату, прошагала по коридору, приблизилась к двери.

– Ты? – она удивленно отступила на шаг назад.

На пороге квартиры Баталовых стояла Глаша, жена Шутова.

– Проходи...

Нежданная гостья, не раздеваясь, шагнула в кухню, тяжело опустилась на табуретку.

– Петька наш совсем с ума сошел! – в уголках женских глаз набухали крупные капли отчаяния. – Надрался с самого утра под завязку, припелся к нам, ломится в дверь. А у нас

Машка сидит взаперти. И Серж мой, как назло, по делам в город уехал. Не знаю, что делать. Дойдет до начальства, не поздоровится Иванюку...

Не перебивая, Славка слушала. Дело приобретало нешуточный оборот. Конечно, ее саму все это никаким боком не касалось. И все-таки, не совсем чужие для нее люди круто замешались в обойме.

– Подожди меня, Глаша, я сейчас оденусь...

Едва слышимые шаги приблизились, не до конца прикрытая дверь распахнулась, вошла Славка, плотно потянула на себя ручку.

– Ты все слышал?

– Да, – мужчина стоял одетый, при полном параде. – Задержись с ней минут на пяток...

Поймав такси, Шутов добрался до военного городка, скорым шагом направился к ДОСу, где он жил с Глашей. Возле их подъезда гудящим роем собрался праздный народ. Не обращая ни на кого внимания, Серж поднялся по ступенькам, прошел к своей квартире.

Подперев ее спиной, у двери сидел Иванюк. Во весь голос он горланил песни и гулко стучал кулачищем, сотрясая стены.

– Встань, дурень! – Шутов схватил своего бывшего ротного за шиворот. – Пошли со мной...

Пропуская мимо ушей бормотанье и нелестные замечания в свой адрес, Серж вытащил старшего лейтенанта на улицу, провел к соседней парадной, затащил в подъезд, проволоч до умывальника и засунул голову Иванюка под холодную воду.

– Остынь маленько...

Прибежав домой, Глаша выпустила Машку из невольного плена, высвободила бедняжку из заточения.

– Где аспид? – женщина испуганно поводила своими глазами-миндалинами. – Я боюсь его, боюсь...

– С ним Серж и Дегтярев. У вас в хате. Мозги ему вправляют...

Закрыв входную дверь, Артем переглянулся с Шутовым, достал из внутреннего кармана куртки и поставил на стол бутылку.

– Выпей, герой, – Серж протянул Иванюку стакан, – полегчает.

Постукивая зубами, продрогший после холодного душа, Петька опрокинул в себя водку, тряхнул упертой головой:

– Все равно ее достану! Жить без нее не могу!

– Жить ты, братец, – иронично хмыкнул Дегтярев, – не можешь без водки. А Маша, пойми ты, не хочет жить с тобой...

Чуть отойдя в сторонку, Серж наблюдал за тем, как два мужика кричат друг на друга, сжимают кулаки – вот-вот дело дойдет до драки не на жизнь, а на смерть. А на кону у них бедная женщина.

– Петя, – Шутов выставил перед собой примирительную ладонь и тихо заговорил, – завтра командиру подробно доложат, и тебя за все твои художества к чертям собачьим с позором выметут из Группы. Вместе, кстати, и с Машей. И она безвинно пострадает. Жить после срама с тобой она ни за что не станет. В Союзе первым же делом она бросит тебя. И останешься ты у разбитого корыта...

– И что мне делать? – глаза у Иванюка внезапно протрезвели.

До мужика разом дошло, что пьяный угар, в котором пребывал он последние дни, довел его до самой черты, до невидимой грани, за которой ничего нет, кроме бездонной пропасти.

– Снимать штаны и бегать!

– Я серьезно...

В ответ Серж лишь неопределенно пожал плечами, а Дегтярев с прыгающей усмешкой на губах предложил:

– Просись у командира на «целину». От дивизии формируется батальон на уборку урожая. Ильин намерен меня послать от нас ротным. Обещал, если вернемся без замечания, технику всю нашу народному хозяйству распродадим, то назначат меня начальником штаба батальона. Уступаю...

Моргнув, Шутлов скоренько разлил водку по стаканам. Мысль ему понравилась. Артем не соврал. Про «целинный» батальон Серж знал. Ведал и про то, что посулил командир дивизии тем офицерам, кто возглавит военных «колхозников». Вариант с отправкой в Союз на время Иванюка устраивал всех. И Мирослава поддержит их...

Легко проникнувшая на территорию воинской части, Славка не сунулась к домам офицерского состава, а дождалась подружек в офицерской столовой. Она успела обстоятельно поговорить по телефону с Сержем, который позвонил в кабинет заведующей, уже находилась в курсе того, что предложил Дегтярев.

– Машенька, – ласково начала она, – я понимаю, что ты больше не можешь. А ты через «не могу». Есть такое понятие, как «надо». Вернись к мужу. Я не заставляю тебя жить с ним. Надо сделать вид, что ничего не произошло, что все в порядке. Понимаешь, порой нам приходится переступать через себя, через собственное «Я»...

Отвернувшись в сторону, Славка вздохнула. Ей тоже пришлось перешагнуть через себя, когда на ее горизонте появился Пестиков и клещами обстоятельств легко взял ее в жесткий оборот...

5

В течение последних месяцев подполковник Пестиков рутинно проделывал одну и ту же работу. Каждый понедельник он вставал в семь утра, умывался, тщательно брился, плотно завтракал.

В 8.00 у подъезда дома его ждала неприметная серая «Волга» с особыми номерами, которые свидетельствовали о принадлежности к Комитету и отсекали излишние вопросы у дотошных гаишников.

За время совместной работы водитель не произнес ни одного лишнего слова. Будто в его словарном запасе, кроме «Есть», «Так точно», «Будет сделано», иных фраз и предложений из скудного лексикона Элочки Людоедки от Ильфа и Петрова не имелось.

– Поехали, Володя... – кивал Борис, захлопывая дверцу.

– Есть! – отвечал водитель и трогался с места.

Ровно в 8.30 и ни минутой позже они подъезжали к воротам Экспедиции, где Борис получал опечатанный чемоданчик. Весил кейс немало. Снаружи отделанный кожей, он имел бронированные стенки из титановых пластин. Во время внезапного нападения им предполагалось надежно прикрываться, как бронежилетом.

– Счастливого пути, – напутствовал Пестикова неприметный человек в неизменном сером костюме, галстуке в мелкий рубчик.

Даже представить себе Борис не мог, что косящий под мелкого почтового клерка человек всего пять минут назад приехал сюда из Государственного хранилища. В святая святых товарищ Федотов под роспись всякий раз получал материальных ценностей на сумму в несколько сотен тысяч долларов. Ему выдавали золотые слитки, упакованные пачки американских долларов, английских фунтов, швейцарских франков или россыпь драгоценных камней...

Впрочем, подполковника содержимое чемоданчика волновало постольку поскольку. Полковник Юзов сумел внушить Борису, что обязанности курьера у него для дипломатического прикрытия.

Основной задачей Пестикова являлась агентурная работа в Восточной Германии, расширение сети и вовлечение в нее новых членов. Пикантность ситуации таилась в том, что ему предстояло создать сеть из граждан СССР, проживающих на территории ГДР. Именно это обстоятельство донельзя упрощало его адскую работу.

– Баб вербуй, Боря... – инструктировал его Юзов. – Они все знают, а поймать их на жареном легче простого...

В данном случае разговор шел о вольнонаемных женщинах и о многочисленных женах военнослужащих.

– Ты парень у нас видный. Бабы на тебя клюют...

– А как же, – Борис усмехнулся, – моральный облик?

Помнится ему, что в течение полудня он только и слышал о том, чтобы высоко нести звание офицера, беречь честь...

– Высокие слова, – Юзов пренебрежительно взмахнул кистью, – оставь для наших партийных бонз. А у нас работа с людьми. Легче всего человека поймать на его низменных чувствах: тяга к побрякушкам, к деньгам, к выпивке, к противоположному полу...

– Нельзя, – Пестиков пошевелил губами, – ковыряться в дерьме и в нем же по уши не извальяться...

– Совершенно верно...

Инструкции Борису следовало неукоснительно исполнять. Для того они и писаны, чтобы неуклонно следовать их букве и духу.

Пассажирский ТУ-154 рейсом из Москвы приземлился в тот день в аэропорту «Шенефельд» точно по расписанию. Раньше трапа к самолету подкатила черная «Волга» из советского посольства. За рулем сидел резидент из разведывательного управления Комитета.

– Все в порядке? – следовал неизменный вопрос.

– Все в порядке...

В здании посольства Пестиков сдавал дипломатическую почту третьему секретарю и прощался. С этого момента он приступал, как ему думалось, к своей основной работе.

После того, как курьер покидал территорию посольства, из ворот выезжала машина с дипломатическими номерами. На заднем сиденье располагался резидент. В руках у него находился кейс, который самолетом доставили из Москвы. Через пятнадцать минут неспешной езды показывались Бранденбургские ворота.

КПП. Граница между Восточным и Западным Берлином.

Заранее извещенные о проезде советской посольской машины пограничники и таможенники под козырек провожали ее проход.

Серая «Волга» останавливалась возле неприметного здания с неброской вывеской: «Издательство «Свободная Германия». В подвале размещалась портативная типография. Журнал выходил небольшим тиражом, и был известен в узком кругу специалистов.

Резидент нажимал на кнопку звонка, дверь плавно открывалась. Его ждали. Ожидали с нетерпением. Издательство играло роль ширмы, удобного прикрытия. В здании располагался филиал одной коммерческой фирмы, на счетах которой вскоре оседали ценности, перевозимые Пестиковым. Номера счетов знали единицы...

В 9.00 Клара Карловна переступила порог кабинета, где она последние восемь лет трудилась секретарем-делопроизводителем отдела с путано длинным и труднопроизносимым названием.

– Кларочка! – навстречу женщине шагнул полковник Юзов и нежно провел пальцами по ее слегка раскрасневшемуся личику. – Уехал твой? – на мужских губах появилась ироничная улыбка.

– Укатил! Как по расписанию живет, ни минуты опоздания, ни шага влево или вправо...

Хоть и считал Пестиков, что неплохо разбирается в людях, с одного взгляда может определить их скрытую внутреннюю суть, в одном он, безусловно, сильно ошибался. Борис пребывал в полной уверенности в том, что жена его любит, но Клара Карловна никогда не питала к мужу особо теплых чувств.

От своих инфантильных родителей Клара унаследовала, прежде всего, ум отца, ангельски милое и привлекательное личико матери и непонятно в кого фигуру. Нельзя сказать, что природа сложила ее плохо, но издавна девочка походила на мальчика.

Сильные и широкие плечи соседствовали с явно узковатым тазом и совсем худыми бедрами. Природа чуть ошиблась, наделив ее типичными признаками обоих противоположных полов.

Папаша Карл Самуилович, по рождению Цукерман, в молодые годы поменял фамилию на более благозвучную и стал Сахаровым. В зрелом возрасте он слегка жалел о юношеском малодушии, ушел в диссиденты и пописывал пасквили на родное государство. Его изгнали из университета. Возникли трудности с работой. И тут Карл Самуилович решил переродиться, переехал в Читу, женился, взял фамилию своей супруги, что законом не возбранялось.

Именно Карл Самуилович посоветовал Кларочке выйти замуж за Пестикова, за которым, как казалось ему, их девочка заживет, как за каменной стеной.

– Доченька, ты имеешь мне сказать, что не любишь Бориса? – пожилой еврей покачал головой. – Ерунда! Суший пустяк! Главное, что он таки да имеет горячую любовь к нашей Кларочке!

Воодушевленный родитель долго выкладывал перед ней все те неоспоримые преимущества, которые она заимеет, выйдя замуж за такого гарного хлопца, как Пестиков. За Борисом виделась сила самой могущественной организации в Советском Союзе.

– И что? – пожимались мальчишеские плечики дочери.

– Они могут иметь все! И таки да даже больше...

В том, что Комитет держит в своих руках невидимые ниточки, за которые время от времени дергает и управляет людьми, будто они все бессловесные и послушные марионетки, Клара Карловна сама убедилась, когда села за рабочий стол и через ее руки одно за другим проходили дела, учет которых она вела.

– На них работают все! Даже те, кто на словах их громко хает...

Ему-то, Карлу Самуиловичу, доподлинно известно, что многие известные деятели искусств, так или иначе, сотрудничали с ГКБ. Писатели, художники, актеры...

– Кто имел глупость отказаться, того за границу не пускали, делали не выездными...

Губы человека в годах искривила улыбка, наполненная едким сарказмом. Уверовал он в свою правоту, ничто его не переубедит.

– Спроси сама у своего Бориса Соломоновича.

– Бориса Семеновича! – поправила его дочь.

Вскорости она вышла за Пестикова. Борису все казалось, что его одного заслуга в том, что последовал перевод в Москву. А она по этому поводу мыслила несколько иначе. Посодействовал Юзов.

В ту пору еще майор, Юзов приехал в их областное Управление из самой Москвы. Прибыл он не столько с проверкой, сколько для того, чтобы на месте детально разобраться со всеми фактами, изложенными в рапорте старшего лейтенанта Пестикова. Заодно поручили ему на месте присмотреться к тому, чем дышат их бойцы на периферии, подстегнуть их, поднять закисший моральный дух.

Начальник отдела пристегнул Бориса к москвичу, велел ни на шаг от него не отходить, ни на минуту не упускать из виду, быть всегда на подхвате и создавать гостю максимально возможный в их провинциальных условиях комфорт...

Возле Восточного вокзала Берлина, напротив железнодорожной эстакады на Варшавской улице, располагалась явочная квартира. Покатавшись чуток на метро, Пестиков проверился. Хвоста за ним не тащилось. Борис, смешавшись с толпой, поднялся наверх, вышел в город на аллее Карла Маркса и пешочком прошелся несколько кварталов. Свернув в переулок, он попал в небольшой дворик. На пару минут мужчина присел на скамеечку, достал сигарету...

В квартиру на третьем этаже при желании люди попадали с двух разных входов: с парадного крыльца и по узкой лестничке для прислуги. Пестиков воспользовался главным входом, вошел в подъезд, неторопливо поднялся по стоптанным тысячами пар обуви ступенькам. Ничто, кроме его размеренной поступи, не нарушало прохладной тишины. Казалось, жизнь в доме остановилась, она замерла, на прикорнувшее время остановив свой суетный бег. Или все обитатели разом покинули свое жизненное пристанище. Или...

На самом деле, жизнь в доме не остановилась. Просто заселяли его в основном немощные старички и старушки, которые доживали свой век, надежно отгородившись от всего мира, заперев себя в своих квартирах-раковинах. Замшелые раки-отшельники...

На условный стук к двери подошла хозяйка квартиры, фрау Эльза. Женщина перешагнула рубеж в сорок лет. Родилась она во время войны в семье антифашистов и рано потеряла

родителей, погибших весной сорок пятого. Воспитывалась девочка в приюте, несколько раз она побывала в Артеке. Жемчужина на Черном море всякий раз вызывала у Эльзы нескончаемый восторг. Девочка до глубины души влюбилась во все, что связывалось с Советским Союзом. Помогала она не за деньги, а по велению души и сердца.

Впрочем, от денег женщина никогда не отказывалась. Работая на дому портнихой, фрау Цепеллин в совершенстве освоила вторую профессию гримера, о которой ее клиенты, шившие у нее модную одежду, ничуть не подозревали.

– О, Борис! – женщина, называя его по имени, кидала ударение на первом слоге. – Я по тебе скучала...

Живя затворницей, Эльза не могла отказать себе в маленьких радостях жизни, которые приносил с собой хорошенький агент из Союза. Медовый торт к чаю, шоколадные конфеты к коньяку и неизменно следовавшая близость после первой-второй рюмки.

– Ах, Эльза! – мужчина прижался губами к женской щеке.

Глядя на несколько поблекшее с годами лицо фрау Цепеллин, многие мужчины затруднялись предположить, что под ее одеждой скрывается чудное тело, как у восемнадцатилетней девушки.

Снимая плащ, Борис припрятал невольно скользнувшую по его губам усмешку. Он вспомнил, как все случилось в первый раз. Не он стал инициатором, а женщина. Первые опасения, что он может потерпеть фиаско, мгновенно растаяли, когда фрау, гипнотизируя его своим умоляющим взглядом, развязала поясok на халате...

– Ты – мой Бог! – выдохнула из себя женщина, наполненная вибрирующим по всему телу счастьем. – Зигфрид непобедимый...

Во время второй встречи они заключили негласный союз. Их связь фрау вполне устраивала и даже органично вписывалась в рамки ее одинокого существования. У обеспеченной всем женщины появился солидный мужчина, который аккуратно навещал ее один раз в неделю. Соседи смотрели на создавшееся положение вещей сквозь пальцы. Каждый у них волен сам устраивать свою жизнь...

Отпив небольшой глоток, Эльза отставила рюмку в сторону. Она томно прикрыла глаза в предвкушении скорого прикосновения чутких мужских рук. Внутри поднималась теплая волна...

Из постели Пестиков отправился в душ. Около часа над его внешностью чудодействовали волшебные пальцы Эльзы. После случавшейся между ними близости умиротворенная и наполненная радостью насыщения женщина ощущала в себе прилив творческого вдохновения, безудержный полет неистощимой фантазии.

Небольшая накладная русая борода, пышные усы, искусно нанесенные морщины превратили Пестикова в мужчину далеко уже не средних лет. По узкой лестнице для прислуги тяжело спускался немощный старик. При каждом шаге он опирался на бамбуковую трость с наборной перламутровой ручкой.

За углом дома его поджидал старенький «Трабант». Борис, до самого конца играя роль, натужно кряхтя, уселся, облегченно выдохнул, вставил ключ в замок зажигания. Выехав из города, он свернул на трассу, ведущую в сторону Потсдама.

По тихой улочке старого квартала Потсдама, скромно опустив глазки, устало вышагивала молодая женщина в синем простеньком плащике, в голубеньком полинялом на солнце ситцевом платочке.

Стоптанное, не по сезону светло-серые парусиновые туфельки дополняли ничем непримечательный наряд. В руке фрау держала сумочку из потертого, местами потрескавшегося дерматина. Тонкие матерчатые перчатки стыдливо хранили аккуратные штопки.

Не поднимая головы, женщина свернула, обогнула дом, вошла в него через «черный» ход для прислуги. Фрау тихо поднялась на третий этаж, мягко толкнула обшарпанную дверь.

Скинув с себя плащ и сняв косынку, гостью преобразилась. Под невзрачной верхней одеждой таилась броская красавица.

– Сотрудник госбезопасности Павлова! – с легкой усмешкой на губах отрапортовала она. – Агент Птица...

Сидящий в глубоком кресле мужчина преклонного возраста тепло и приветливо улыбнулся. Агент Птица была его детищем. Он курировал Павлову больше восьми лет. Заочное их знакомство началось, когда девчонке едва исполнилось тринадцать годочков. Славка и не подозревала о том, что ее вплотную ведут органы.

– Докладывай, Птица...

Широким веером распахнулись складки коротковатой юбки-колокола, открывая молочнo-белые бедра, и грациозно опали вслед за хозяйкой, опустившейся на маленький диванчик. А мужское воображение мгновенно дорисовало все остальное...

На память мужчине пришла их первая встреча. До 77-го года Пестиков вкалывал в Управление по Забайкальскому краю. В ту пору Борис еще носил погоны старшего лейтенанта и подвизался на шестых ролях. Но он всегда верил в свою судьбу и собственными руками любовно пестовал и выкладывал ее по кирпичику.

На «золотую» жилу он напал совершенно случайно. Перебирая собранные сведения на уличную банду несовершеннолетней шпаны и отморожков, Борис обратил внимание на Славку Красильникову. Трудно сказать, что его заинтересовало. Рутинное дело...

Хотя, его зацепило то, что девчонка внезапно исчезла из поля зрения, растворилась в пространствах их необъятной страны. Он доложил начальству и взял Красильникову в плотную разработку. Поначалу и сам не знал, зачем. Наверху считали делом «тухлым» и бесперспективным. Мол, кому нужна беспризорица...

– Вояки, – тем временем докладывал Борису симпатичный агент в юбке, – торгуют горячим, толкают «налево» бочками...

Поморщившись, Пестиков махнул рукой:

– Нашла, кого и чем удивить. Давай по существу...

Ему пришлось попотеть, мобилизовать все свои умственные способности. Войдя в азарт, Борис закинул настолько мелкую сеть, выуживая любую маломальскую информацию, что скоро он знал о семействе Красильниковых больше, чем они сами ведали о себе.

В поле зрения попал Мартов. Генерал, на ту пору полковник, приезжал, встречался с Матрeной Красильниковой. Состоялся у них, по рассказам соседей, долгий и нeлицеприятный разговор.

Это-то его и насторожило. Что могло быть общего у двух столь разных индивидов, обитающих на крайних полюсах жизни? Борис копнул еще глубже. Выяснилось, что Мартов начинал службу в их краях, откуда следовал определенный вывод, что...

Родись Пестиков провидцем, на худой конец, медиумом и имей связь с астральными силами, то он в ту же секунду запрыгал бы от радости, ибо в своих предположениях попал в точку. Борис точно предугадал, что между Матрeной Красильниковой, дочерью ее Мирославой и самим Мартовым существует определенная связь. Славка оказалась родной дочерью генерала, правда, внебрачной.

До некоторых пор Владлен Сергеевич и сам не подозревал о том. Он не вспоминал про одну случайную и мимолетную связь...

...Накануне вечером, размещаясь в купе поезда «Москва-Чита» Владлен не обратил внимания на свою попутчицу, так, скользнул взглядом по ее стройной фигуре, правда, отме-

тил хороший вкус явно пошитого по заказу платья, вежливо поздоровался и, уложив свою сумку на багажную полку, отправился за постелью.

Время было позднее, да и усталость, накопившаяся за день, не располагала к продолжительной беседе. А потому, застелив свою, отданную ему по праву молодости, любимую им верхнюю полку, он разулся, скинул рубашку и завалился спать.

Утром, как всегда в дороге, проснулся парень поздно. До Читы оставалось добрых двенадцать часов езды, он решил не торопиться вставать и поваляться в постели, от нечего делать пялился в окно.

Поезд медленно тащил свои вагоны, словно нехотя постукивали колеса. В такт им внизу, на столике, звякали пустые, не убранные с вечера стаканы. Первое время Владлен старался не обращать на них внимания. Но когда их звон надоел ему, он свесил с полки голову и замер, напрочь забыв опустить руку.

Его попутчица уже встала. Прикрыв дверь и, видимо, надеясь, что парень крепко спит, она переодевалась, сидя внизу. Скинув ночную рубашку, она неторопливо и аккуратно натягивала чулки на обнаженные, темные от загара ноги.

Тонкие розовые бретельки лифчика туго обхватывали ее грудь, но чашечки его были настолько малы, что под ними укрылись бы разве что по одной пятикопеечной монетке. И они ничего не скрывали от восхищенного взгляда. Он пошевелился, машинально просовывая руку под одеяло, но полка предательски заскрипела, и женщина, вздрогнув, подняла голову.

Их взгляды встретились, его растерянный и испуганный, ее спокойный и чуть насмешливый. Вместо того чтобы вскрикнуть и поспешить прикрыть свое тело, как часто происходит в подобных ситуациях, попутчица улыбнулась и дружелюбно спросила:

– Что, проснулся?

– Да, – вымолвил Владлен, не зная, как себя вести дальше.

Но то, что поставило его в тупик, женщину, казалось, вовсе не волновало. Спокойно она закончила надевать чулки и неторопливо накинула на себя халат, щедро позволив Владлену еще в течение нескольких минут любоваться своим телом. Застегнув халат на все пуговицы и повязав пояс, она вновь обратилась к парню:

– Скоро обещали принести чай. Так что, если ты собираешься завтракать, поторопись.

– Я мигом! – обрадовался он возможности ретироваться.

Послушно соскользнув вниз, парень нашарил ногой тапочки, захватил полотенце, зубную щетку и мыло, отправился умываться, все еще находясь под впечатлением происшедшего с ним.

«А что случилось? – размышлял он. – Случайно я увидел, как она переодевалась. Все произошло случайно. И потом она, кажется, на меня не в обиде, а значит, мне не в чем себя упрекнуть. Было и было, незачем мне краснеть и прятать глаза, как провинившийся школьник. Тем более, довольно красивая женщина, и ничего, кроме удовольствия, я не испытывал, когда пялился на ее грудь».

В конце своих рассуждений Мартов пришел к выводу, что надо быть проще и вести себя так, словно ничего не произошло. В купе он вернулся совершенно умиротворенный, спокойный и веселый.

Пока он отсутствовал, попутчица собрала на стол немудреный завтрак, преимущественно состоявший из овощей, вареных яиц и незаменимой в дальних поездках колбасы. Снедь она живописно разложила на столе, что сильно возбуждало аппетит.

– Прощу к столу, завтрак подан, – тихо произнесла женщина, указывая ему на место напротив себя. – Чай сейчас принесут.

Отказываться Владлен не думал. Дождавшись, когда парень сядет, попутчица белозубо улыбнулась и доверительно сообщила:

– Меня зовут Матрена.

Мельком подумав о том, что она его старше лет на пятнадцать, Владлен назвал свое имя.

– Ты живешь в Кургане? – поинтересовалась Матрена.

В ответ парень мотнул головой, особо не распространяясь:

– Нет, ездил по делам.

– И я тоже по делам, у меня там сын учится в военном училище, – не без гордости сообщила женщина.

Парень слушал ее невнимательно и думал о своем, о том, что, факт, она уже не девочка, лет за тридцать пять или чуть больше. Не возраст для женщины, если следить за фигурой и лицом.

Ему казалось, что соседка может дать фору семнадцатилетней девушке. Лицо особо красивым не назвать, но довольно приятное, особенно, когда она улыбается. Открытые сероватые глаза, в меру полные чувственные губы, небольшой чуть курносый носик. За ней стоило приударить. Короткий флирт, сближение... и расставание.

Утренняя сцена стояла у Владлена перед глазами, ему до дрожи захотелось прервать Матрену, взять ее маленькую теплую ладошку и всем телом почувствовать прикосновение ее пальцев. От жарких мыслей даже есть расхотелось. Словно уловив, о чем мечтает ее собеседник, Матрена замолчала и виновато улыбнулась.

– Тебе, наверное, неинтересно? – спросила она, глядя на парня широко открытыми и потому кажущимися наивными глазами.

Но только что-что, а простодушной наивности в них не было ни на йоту, напротив, необъяснимо дерзкое таилось в них, манило парня, настойчиво подталкивало его, обещая все или почти все из того, что он мог себе вообразить.

– Вай! Какой женщина! Цветок!

Приоткрыв дверь, в купе заглянул мужчина, явно кавказского происхождения, скользнул оценивающим взглядом по Матрене.

– Не смотри такой грозный, эй! – он недовольно поморщился, наткнувшись на помрачневшее от хамской бесцеремонности лицо сидящего напротив женщины парня. – И сам ухожу, да...

Гордый джигит отправился дальше в поисках приключений, и дверь медленно и с неохотой вернулась на место.

– Ты такой сильный, – произнесла Матрена.

Парень не знал, что она имела в виду под словом «сильный», да оно его и не интересовало, у него имелись собственные взгляды на происходящее и собственное понимание ее слов.

Повернув защелку замка, Владлен опустил на полку рядом с женщиной. Она доверчиво улыбнулась и отложила яблоко, которое с удовольствием грызла. Нежно взяв руку Матрены, еще пахнущую свежестью яблочного сока, парень поднес ее к своим жаждущим губам. Он быстро скользнул вверх от запястья и, прочертив языком полоску на ее коже, замер там, где начиналась ткань халата.

– Подожди, торопиться не надо...

Откинувшись к стенке, женщина постанывала от получаемого удовольствия. Стоны ее, стук колес, шаги и голоса где-то за дверью в коридоре слились в одну чудесную музыку, которая кружила парню голову и воодушевляла его на новые ласки...

Некоторое время Матрена лежала без движения, затем открыла глаза и, повернувшись, прикоснулась к нему губами. Женщина благодарила его за краткий миг бабьего счастья. Но не более того. Никаких чувств, кроме похоти и животной страсти...

Проводница в коридоре объявила о скором прибытии в Читу. Владлен выходил на остановку раньше.

– Мы еще увидимся когда-нибудь? – спросил он возле двери.

– Когда-нибудь? – равнодушно повторила Матрена. – Лет через пять я стану старой и некрасивой бабой, я стану тебе не нужна, как и сейчас я тебе, в общем-то, не нужна. Постарайся меня забыть. Я уже ничего не помню. Смотри на жизнь проще...

Поезд остановился, заскрипев вагонами. Вышел Владлен, что называется, по-английски, не прощаясь. Поскучневшая женщина осталась сидеть в купе, безразлично глядя в окно. Думала она, что пройдет время, и все забудется о мимолетной интрижке в дороге.

Но судьба распорядилась по-иному. Буквально через месяц у Матрены трагически погиб сын Игорек. Экипаж боевой машины, провалившейся под лед, задохнулся, не сумев выбраться.

Узнав о постигшем ее горе, женщина поседела. Потеряв все в своей жизни, Матрена попыталась покончить с собой, приняла огромную дозу снотворного. В больнице ей сообщили о том, что она ждет ребенка. И Матрена очнулась...

Всего этого Мартов не знал. Он несколько лет ходил по тем же самым улицам, что и его малолетняя дочь, пока его не перевели на новое место службы.

Вторая их встреча уже не носила случайный характер, но, увы, большой радости не дала. Ни ему, ни Матрене...

6

Оформив командировку, Пестиков отправился на Юга. Он не торопился. Он нисколько не сомневался в том, что найдет ту, кого искал, хотя все запросы вернулись с отрицательным ответом.

Первым делом Борис поселился в гостинице «Аркадия», в двух шагах от пляжа. До конца недели он занимался релаксацией своего уставшего на трудной работе организма. И, лишь почувствовав прилив новых сил, Борис вышел на охоту...

– Те чё надо? – сузив шалые глаза, выпустила острые коготки девчонка, когда Пестиков схватил ее за руку чуть выше запястья.

– Может, поговорим? – Борис вытянул перед собой сливочный пломбир в шоколаде. – Хочешь?

За прошедший год Красильникова сильно вытянулась, почти до неузнаваемости пошло ее округлившееся, видно, на хороших харчах личико. Голубая майка девчонки в двух местах сильно оттопыривалась крупными сосочками налившимся соком грудок. Из-под коротко обрезанных джинсов вызывающе торчали ноги, длинные, стройные, загоревшие до бронзового оттенка.

– Ты чё, дядя, офонарел? – деваха попыталась вырваться. – Я, блин, с незнакомыми фраерами на улице фуфло не перетираю...

– Брось, Красильникова, строить из себя цацу...

В девичьих глазах промелькнул испуг и притаился в уголках. Ее все еще немного по-мальчишески угловатое тело напряглось, готовое к отчаянному рывку, выжидало удобного момента.

– Павлова я! – упрямо вздернулся ее гордый подбородок.

Пресекая малейшую попытку к бегству, Борис цепко обхватил правой рукой девичью талию и вкрадчиво прошептал:

– Конечно, Павлова. Я все про тебя знаю, Красильникова...

К тому времени он успел многое прояснить. Генерал удочерил эту девчонку, но фамилию ей свою не дал, новые документы они оформили как на Павлову Мирославу Аркадьевну.

– Ты не бойся, я ничего плохого тебе не сделаю...

Левой рукой Пестиков стальным хватом вцепился в запястье тоненькой девичьей руки. Не вырваться. А с виду, будто парочка одна влюбленная гуляет по бульвару, любитесь видом на море.

– Чё я, – фыркнула Славка, – должна каждого фраера бояться...

А у самой в глазах притаился испуг. Прошлое настигло ее в тот момент, когда она уже начала забывать о прежней жизни.

– Пойдем со мной, поговорим...

– Чё зря рот проветривать, зубы стынут...

Будто загипнотизированная, она пошла за ним. Удобно вышло, гостиница оказалась всего в двух шагах, идти далеко не пришлось.

– А чё, коньяку ты не держишь? – Славка пренебрежительно кинула растаявшее мороженое на тарелочку и плюхнулась на стул.

С видимым принуждением Борис отвел свой взгляд от развязно раздвинутых в стороны гладких бедер, округлых коленок, красиво очерченных икр, сильных, не худых и не слишком полных.

– Ростом ты не вышла! – Пестиков откровенно наслаждался комизмом сложившейся ситуации. – Мала еще, сямка...

– Я? – Славка вскочила, словно выпущенная катапультной. – Да ты чё гонишь-то! Глянь! – девчонка вся вытянулась.

Действительно, в свои четырнадцать она вымахала под все метр семьдесят с хвостиком. Не знай ее точных паспортных данных, он вполне дал бы ей все семнадцать-восемнадцать.

– Ну, если так...

Особыми моральными принципами Пестиков не отягощался и знал, что в их нелегкой работе все методы и средства хороши. Он достал из холодильника армянский «Арагат», накапал в стакан. Свои действия он объяснял исключительно интересами службы: под воздействием алкоголя углублялся психологический контакт, возрастала степень доверительности, повышалась искренность. Все это в полной мере относилось и к случаю физической близости с вербуемым или действующим агентом. Но о том, чтобы переспать с девчонкой, Борис не думал. Смущал и останавливал ее возраст.

– Красильникова, подпиши! – Борис подсунул девчонке заранее заготовленную бумажку.

– Ты чё? – Славка непонимающе округлила глаза. – На понт меня берешь? За пять капель вонючего пойла решил купить?

Вытянув из пачки сигарету, она закурила, пустила дым прямо ему в лицо, выказывая свою полную независимость.

– Чё ты на меня имеешь?

– Забыла, Красильникова, – скинул он козырь, – как выставили хату профессора Чижевского? Или, скажешь, не твоя работа?

Пестикову вдруг показалось, что девчонка вдохнула в себя весь сигаретный дым обратно, поперхнулась, сильно закашлялась. Лицо у Славки приобрело багрово-пунцовый оттенок...

Ей не исполнилось и девяти, когда ее приобщили к воровскому промыслу. Вместе с паханом поднялась она по пожарной лестнице на четвертый этаж. Потом по карнизу пробралась к окну, влезла в форточку. Узка, как кошка, и гибка, как змея. Играючи справилась она с замком, отперев его изнутри. За порогом ее ждали пацаны с баулами в руках. Вынесли почти все, кроме мебели.

– Не докажешь, начальник! – девчонка быстро пришла в себя.

А потому эффект неожиданности пропал впустую. Крепким орешком оказалась подружка, с одного наскока не расколоть.

– Накапай еще в стаканчик...

До сих пор еще Славка помнила ощущение высоты и липкого страха. Шла по карнизу, подталкиваемая жестким взглядом пахана, а сама обмирала, живот судорогами сводило. Хотелось прижаться к стене и навечно прилипнуть. Камешек сорвался, нога потянулась за ним вниз. Она вся покачнулась, еле удержалась. Долго стояла на месте, все никак не могла отдышаться.

– Рассмешил, чуть не описалась одна...

А тогда ей точно стало не до смеха. Чувствовала, как намокли трусишки, как горячее противно потекло вниз по ногам. Очнулась, зашагала дальше. Форточка оказалась приоткрытой, протянуть руку и толкнуть. Встала ногами на отлив. А сил влезть не осталось. Все силы утекли в сандалии, пудовым якорем прилипли к карнизу...

– На, прочитай... – Борис протянул протокол допроса.

– Подстава...

Славка небрежно откинула листок, хотя определенно заметила, что на нем имелись необходимые печати. Не «липу» подсунули ей, а взаправдашний документ, где белым по черному прописали, что некая Красильникова М. А. принимала участие в краже...

– Чё те от меня надо?

Несмотря на внешнюю браваду, она сильно перепугалась. Не знала, что ей делать. Немалый опыт общения с представителями закона нашептывал ей, что она вляпалась по самое невозможное. А недостаток жизненной мудрости не позволял принять единственно правильное решение. Славка прибегнула к первому, что пришло ей в ее отчаянную голову.

– Выпусти меня, гад! – в правой руке у нее появился складной ножичек. – Попишу, век воли не видать!

Ей по малолетству подумалось, что стоило ей снова оказаться под защитой Мартова, как все утрясется само собой. Стоило ей лишь переступить спасительный порог генеральской квартиры...

– А бумажками ты своими подотрись! – девчонка отступила к двери, но та оказалась заперта. – У, сучий потрох!

Лениво улыбнувшись, Пестиков даже не встал с кресла. Он все предусмотрел. И финт с острым ножичком в том числе.

– Ты думаешь, Красильникова, я не знаю, кто отворил кровь Дуньке-стекольщице? Да так, что бедняга к утру аж посинела...

Славка побледнела. Ей подурнело. Если проделки с кражами ей могли списать по малолетству и глупости, то тут дело пахло не одним годом. Дуньку она пырнула пикой в драке и убежала. Даже не подумала, что девка окочурится. Поделом Дуньке, стервой была еще той. Только Славка считала, что их никто не видел, дрались они на пустыре вдвоем, без свидетелей.

– Чё те от меня надо? Может, это? – девчонка пустила в ход свой последний козырь, рывком сдернула с себя шорты.

Широко расставив ноги, она бесстыдно открыла лобок, едва начинающий покрываться редкими волосиками. Что именно стало в тот момент для него спусковым крючком: ее беззащитная нагота или гуляющий в девчоночьих глазах страх, Борис так и не понял.

Скользящим движением он шагнул к Славке, крепко обхватил руками, нащупал губы, запустил ей в рот свой язык, почувствовал прикосновение двух жемчужных рядов.

Вопреки его ожиданиям, деваха не осталась безучастной. Ее рука занялась его брюками, умело расстегнула ремень...

– А ты ничё...

Когда он потянул края майки, обнажая плоский, подтянутый живот, волнуяще подрагивающую выемку пупка, узкую талию, чуть расставленные по сторонам остро торчащие тугие груди с длинными сосками, Славка вытянула руки вверх, помогая ему.

– Не торопись...

Целовалась она неумело, но охотно училась, открывая для себя новый мир. Широко раскрытые ее глаза изумленно сверкали. Охнув разок, второй, третий, она сама впиалась в его губы, показывая ему, что из нее со временем выйдет неплохая ученица.

– Подожди...

Подхватив деваху на руки, Борис отнес ее на постель, зарылся лицом в нежные складки, ощущая языком юную плоть. К щекам его прикосались своей внутренней поверхностью девичьи бедра. Кожа их оказалась нежна, шелковиста. Она искрила и возбуждала.

– Чё ты ждешь? Давай...

Корчась под его ласками, Славка уже изнемогала. Закинув ее долгие бронзовые ноги себе на плечи, мужчина соединился с нею, почувствовав своей обостренно-чувствительной

частью тела все ее напряжение и желание. И он забыл и про цель своего появления в южном портовом городе, и про то, что нарушает все должностные инструкции, и про то, что имеет дело с малолеткой. А за связь с нею ему могла светить статья...

Хитрая девчонка так сладко стонала, так благодарно елозила по нему, продлевая ему состояние блаженства, что Борис в какой-то момент расслабился, поверив в то, что он одержал полный верх.

– Искупнемся? – лукаво прищурившись, спросила Славка.

И он всецело повелся, наивно согласился:

– Давай...

Пока спускались к пляжу, он успел проанализировать сам факт вступления в половую связь с несовершеннолетней девчонкой. Его не волновала моральная сторона вопроса. Красильникова давно уже не оставалась девчонкой в том самом смысле. Она вполне созрела для любви. Бориса мучило смутное чувство вины перед женой, Кларой Карловной. Он страстно любил супругу. Остальные бабы существовали единственно для удовлетворения его потребностей.

Его Клара Карловна не отличалась особой страстностью, и ему время от времени требовалась разрядка, которую он получал, имея короткие и ни к чему сильно не обязывающие отношения с другими женщинами. Борис до сих пор не мог себе внятно объяснить, что же безудержно притягивало его к жене.

– Плыдем к волнорезу...

Пестикову пришлось признаться в том, что он переоценил свои силы. Красильникова отлично плавала, он ей здорово проигрывал. Плутовка доплыла раньше и уже успела избавиться от купальника, дразня и показывая ему в руке пестрые кусочки материи. Он и не догадывался о том, что бестия успела вытянуть шнурок из лифчика.

– Я выиграла! – радостно выкрикнула она и бросилась ему на шею, в поцелуе свинцовым грузилом уходя вместе с ним под воду.

Принимая игру, Борис дотронулся до ее распрямившейся на глубине восхитительной груди, и в это время жесткая удавка легла на его ничего не подозревающую, а потому беззащитную шею.

Пришлось ему напрячь и мобилизовать все имеющиеся силы, чтобы выжить. Он вспомнил, чему их учили, и попытался спасти себя, вытащить из могилы, в которую он залез обеими ногами.

Ему повезло. Будь на месте Славки мужик, на крайний случай, баба с опытом, ему бы не выжить. Большим пальцем ему удалось пролезть под шнурок и ослабить давление. Судорожно дергаясь, он выпустил часть воздуха, пузырьки побежали вверх и обманули девчушку. Борис высунул набок язык и безжизненно обмяк.

И у Славки запас кислорода в легких оказался не безграничен, она перестала тянуть за концы шнура и всплыла. Пестиков изо всех сил держался на глубине, не поднимался...

– У, ё!..

Его всего вывернуло наизнанку. Минут десять мужик плашмя лежал на волнорезе, не мог отдышаться. С трудом дотянул он до берега. И помчался в гостиницу. Успел вовремя. Деваха шарила по всему номеру в поисках собранного им на нее компромата.

– Ты чё, – Славка побледнела, но держалась из последних сил, – за мной с того света явился?

– Являются черти, – Борис угрожающе вытянул перед собой руки. – Ты, мерзавка, хотела меня убить. Я тебя за это...

К вечеру они обо всем договорились. Пестиков вернулся к себе в управление и дня три составлял отчет, одним пальчиком тыкая по клавишам печатной машинки с западающими буквами.

– Настоящим докладываю... – по слогам выговаривал он вслух.

Память у Славки оказалась настоящим кладом. В ней легко упряталось столько информации, что хватило бы на десяток и не один оперативных встреч.

– ...что в ходе проведенной разработки...

Неудавшаяся попытка утопить в море человека, который сжал ее горло железными пальцами, случившая после между ними все сжигающая близость так потрясли девчужку, что она совершенно расслабилась и в порыве душевного откровения выболтала столько всячины, что Борис едва успевал запоминать.

– ...мною завербован агент. Оперативный псевдоним «Птица»...

Он с радостью все сразу записал бы, только обе руки его были заняты чувственными ласками. Старший лейтенант очень старался, а она в благодарность ему за то все болтала, болтала, торопясь выговориться и снять с себя камень прошлого...

– Мною выявлены новые каналы поставки в город и область наркотических средств...

Искусно раскинув паутину достоверных фактов и логических домыслов, Пестиков выудил из ошалелой девчонки почти все, что она знала об окружавшем ее ранее преступном мире. Шаг за шагом, ниточка за ниточкой...

– ...определена сеть торговцев валютой и фарцовщиков...

Понятно, ловкий старший лейтенант постарался облачить все добытые им сведения в нужную для него форму, выпятив все свои немалые заслуги, что не осталось незамеченным на самом вершине.

Его повысили в звании и в должности. А разработкой агента по кличке Птица заинтересовались в самой Москве. Через три года Пестикова перевели в столицу. Теперь Борис вплотную занимался подрастающей Павловой, вел, чуть ли не каждый ее шаг...

По его настоянию Славка поступила на юридический факультет университета, записалась в секцию рукопашной борьбы, увлеклась стрельбой из мелкокалиберного пистолета.

Странно, но Клара Карловна жутко ревновала мужа к девчонке и всегда встречала его из командировок своим особым взглядом, всегда предшествующим близости, что случалось крайне редко, и возбуждающим даже больше, чем последующее за ним обнажение ее тела. Обычно нагой жену он свою не видел. Она стеснялась и сорочку с себя снимала в исключительных случаях.

Может, оттого Борис настойчиво искал и находил в Павловой то, что так скудно дозированное получал он от своей жены...

Подспудно, слушая доклад агента, Пестиков в душе уже желал продолжения их связи, что на некоторое время у них прервалась. Мужик сдерживал себя изо всех сил, следил за своей мимикой, когда задавал наводящие вопросы, за голосом.

Изводя себя, Борис не хотел выказать перед нею владеющих им чувств, старался избежать ненужной суетливости и одновременно всеми фибрами своей души желал подстегнуть события.

По большому счету, все, что ему говорила Павлова, он знал из ее же донесений. Нового ничего не открылось.

Наверное, он начал стареть. Сердце колотилось, как во время начальственного разноса в восемьдесят первом году, когда у него поменялся шеф, а пришедший на его место полковник ничего не хотел слышать про то, что они играют против армейских чинов. Его собирались вышвырнуть из органов, но ситуация поменялась...

А Павлова, видя его мучения, еще и тихо издевалась над ним, говорила деловито и строго официально. И никакого намека на то, что между ними когда-то и что-то происходило.

– У тебя все? – Пестиков поднялся, прошелся по всей комнате, вышел в прихожую, проверил, закрыта ли дверь на замок. Постояв, вернулся. – Или еще что-то есть?

– Все, товарищ начальник!

В былое время игра в конспирацию обостряла любовную игру.

– Как муж? – спросил он.

– А никак... – Славка безразлично пожала плечами. – Никаких проблем с человечком с полочки для пустых сувениров...

Слабовата кишка оказалась у мужа, чтобы тягаться с нею. Шаг за шагом она раздавила его, подавила его волю и полностью смогла подчинить себе. Кто бы мог с первого взгляда определенно сказать, что у красавца Баталова за его солидной внешностью скрывается мелкая и неуверенная в себе трусоватая душонка.

– Смотри, не заигрывайся... – предупредил Пестиков.

Не выдержав внутреннего томления, он шагнул к девушке и опустил руки на ее плечики, с кажущейся непринужденностью освобождая их от легко тянущейся материи...

Вытянув из пачки сигаретку, Славка закурила. По ее губкам то и дело пробегала снисходительная улыбочка. Блаженствующий после случившейся близости мужчина не знал и не догадывался, что его давно переиграли, что в их тандеме не он ведет первую роль, хотя и пыжится, корчит из себя заоблачное начальство.

– Деньжат мне подкинь, – Павлова, провокационно оттопырив свой восхитительный зад, медленно натягивала узенькие полоски материи, традиционно именуемые трусиками.

Словно сомнамбула, не отводя расширенных глаз от дразнящих и покачивающихся тугих ягодиц, Борис нащупал рукой бумажник, выудил из него несколько сложенных вдвое бумажек.

– Я пошла? – Славка набросила на себя плащ, накинула платок, провела по личику ладошкой, ссутулилась и снова превратилась в уставшую от жизни женщину неопределенного возраста.

– Иди...

Робко скрипнувшая подъездная дверь приоткрылась ровно на столько, чтоб в образовавшуюся щель тенью просочилась молодая женщина в синем простеньком плашике, в голубеньком полинялом на солнце ситцевом платочке.

Стоптаные, не по сезону светло-серые парусиновые туфельки устало зашагали по дорожке. В такт мелким шажкам покачивалась сумочка из потертого местами дерматина. Ее придерживали тонкие матерчатые перчатки, стыдливо хранящие аккуратные штопки.

Через пять минут старенький «Трабант» отправился в обратный путь. Рутинная встреча для очередной галочки в отчете...

Глава вторая Телеграмма

1

В начале апреля согласно утвержденному плану в арtpолк прибыла комиссия, и грянула проверка.

Все, как обычно. Один раз Рэм Валишев подобное проходил.

Строевой смотр полка. Со столь важного мероприятия брала старт любая проверка, даже самая незначительная, не говоря уже про итоговую. Сдача зачетов по отдельным дисциплинам.

Завершал все выезд на полигон для проведения тактических учений с боевой стрельбой, по результатам которых выставлялась окончательная оценка.

И еще, в который раз, Рэм убедился, что в их работе мелочей не существует. Опытный, уверенный в себе старший офицер батареи Стасев прокололся на сущем пустяке, на совершенной безделице.

И все прошло бы хорошо, если бы, если бы резко и внезапно не поменялась погода. Весь март на удивление стоял теплый. Когда они готовили технику к смотру, все металлические детали затворов орудий хорошенько смазали.

И надо ж было случиться такому, чтобы в тот вечер, когда они прибыли на полигон, задул ледяной ветер, добравшийся до них из далекой Арктики, лизнул морозным языком. А ночью пошел самый настоящий снег. После двадцати-то градусов и выше тепла.

Куда с утра смотрел всезнающий СОБ Стасев? Или его подвела излишняя самоуверенность? Рэм не знал. Но на затворы орудий при подготовке к стрельбе никто внимания не обратил. А зря...

Команда «Огонь!» пошла, а выстрела все нет и нет. С огневой позиции докладывают о том, что у них произошла осечка. Следом снова осечка и опять осечка. Начали разбираться. Нашли...

Обильно наложенная смазка затвердела. И боевая пружина во время спуска с трудом разжималась не в силах протолкнуть боек ударника сквозь загустевшую массу, превратившуюся в настоящий тормоз, переставшую способствовать скольжению.

Стальное жало ударника слегка касалось капсюля-детонатора и оставляло на нем легкую вмятину, не производя его подрыва. Не тот случай, когда кашу маслом не испортить. Испортили...

Пока еще догадались, в чем дело, поезд уже ушел. Несколько невыполненных огневых задач, и общая оценка батареи за учения, вырисовалась, соответственно, «неуд». В целом-то их дивизион на тройку, конечно, вытянулся за счет первой и третьей.

Комбат Матюхин досадливо передернул плечами. По крупному счету, ему оказалось все равно. Он, как и старший офицер батареи Стасев, как и командир огневого взвода Шаваран, через парочку месяцев заменялся. В конечном итоге, наплевать хотелось Толику, на пару с Васькой загубившему все дело.

А Рэм из случившегося казуса извлек хороший урок. Если в умной книжке что-то уж написано, то надо обязательно исполнять.

Контрольный осмотр орудия перед стрельбой включал в себя и проверку работы частей механизмов затвора. Следовало произвести контрольный спуск. Если послышится звонкий, уходящий вверх звук щелчка бойка ударника, значит, все в порядке.

Недаром у них говорят, что век живи, век учись. И желательно бы учебу проходить на чужих ошибках, а не на своих промахах.

Проверка полка закончилась, и опять начался так называемый «рабочий» период. Все снова пошло, как по хорошо накатанной колее, один раз им, Рэмом, уже пройденной.

День шел за днем, пока одно неожиданное и ошеломительное известие снова не перевернуло всю его жизнь, не поставило все с ног на голову...

...Телеграмма.

Рэм оторопело смотрел на полоску желтовато-сероватой бумаги и не мог, и не хотел поверить тому, что все происходит не с кем-то другим, а именно с ним. Пару минут назад батарейный почтальон принес и передал листок Рэму.

«Поздравляем рождением дочки...».

Не держи парень бумажный бланк в собственных руках, то он подумал бы, что все это банальный розыгрыш. Решили над ним подшутить. И посмеялись паяцы крайне неудачно...

Официальный документ. Обратный адрес: город Октябрьский. Телеграмма заверена. Значит, вовсе это не шутка и не дьявольски коварный способ заманить его в родные края. Выходит, что все правда? В голове перемешалось, и мир рушился на его глазах...

За тысячи километров отвергнутая им женщина ждала от него ребенка, а он преспокойно жил с ее подругой. Дина ему писала, а он, не читая, отправил ее послание назад. И кто он после всего? Как ему смотреть в глаза людям, в прекрасные глаза Той, которую любил и бросил, предал? Нет ему прощения, нет...

Вряд ли, Рэм смог бы сказать, откуда про телеграмму узнал Сашка. Хотя, в полку любые новости разносятся быстро. Верный товарищ и друг понял, что есть на свете человек, который в данную минуту нуждается больше других в его поддержке. Бросив все свои дела, он помчался на помощь.

– У-у-у... – Рэм сидел на стуле и монотонно покачивался всем туловищем вперед-назад.

Бессмысленный пустой взгляд ничего не видящего перед собой человека. Пустые остекленевшие глаза. Побелевшие от напряжения пальцы с силой вцепились в край письменного стола.

– Рэм, – Сашка тихонько дотронулся до его плеча.

– У-у-у... – неслось в ответ.

– Рэм! – Григорьев потрянул его с большей силой.

– А?.. Ты... чего? – мутные, страшные, ничего не понимающие и не замечающие глаза Рэма уперлись в Сашку. – Тебе что еще от меня надо? Уйди, пожалуйста! Уйди! У-у-у...

Несмотря на то, что Григорьеву ясно давали понять, что его присутствие в данном месте и в данный момент нежелательно, Сашка никуда не ушел, а своим большим пальцем резко приподнял подбородок друга, направив его взгляд на себя.

– Рэм!

– Кто я теперь после всего этого?..

Кажется, Рэм не слышал того, что к нему обращаются.

– Кто я? Последний подлец! Бросил все и уехал от женщины, которая готовилась стать матерью. Но я же не знал. Я ничего не знал, – выдавил он из себя в слабой попытке оправдать самого себя. – И что мне теперь делать с Маринкой? Как мне ей все сказать? С какими глазами я должен на нее смотреть? Что мне делать дальше? Лучше всего, наверное, если никуда не ехать. Теперь, после того, что случилось, после того, как я с Маринкой, ехать просто ни к чему. Что я говорю, что? Саша, я запутался, запутался...

– Рэм, может, ты сомневаешься в том, что это твой ребенок?

– Мой? Мой ли это ребенок? – на лице Рэма появилось вполне осмысленное выражение. – Может ли ребенок быть моим? Сегодня у нас двадцать шестое апреля. Девять месяцев назад. Конец июля. Отпуск после выпуска...

На память он никогда не жаловался. Ему быстро вспомнилась беззаботная неделя, проведенная вдвоем с Диной. Время, когда они ни на одну минуту не разлучались друг с другом.

– По срокам вполне возможно. И не станет она шутить такими вещами и никогда не пойдет на подлый обман. Не в ее характере...

– Ну, черт, – Сашка непонимающе моргнул, – в чем дело? Бери бумагу и бегом пиши рапорт на отпуск.

Больные глаза человека, потерявшего точку опоры, уставились на друга, предлагающего, на его взгляд, очевидное решение.

– Стой, Саша. Я и сам не знаю, как мне поступить. Не все так просто, как тебе кажется. Мы с ней все отношения порвали. Раз и навсегда. Зачем, следовательно, я поеду? Чтобы дома сделать перед всеми вид, что между нами ничего не произошло? Но оно, к сожалению, уже случилось, и назад ничего не вернуть. Я не знаю, я больше ничего не знаю... – с глубоким душевным надрывом то ли произнес он, то ли простонал.

– Слушай меня, Рэм. У тебя еще есть час, от силы два, чтобы принять решение. Если до праздников визу не откроешь, то отсюда скоро не уедешь. Думай, я через час к тебе снова зайду...

Друг ушел, а Рэм, потрясенный до глубины души свалившимся на него известием, остался один и напряженно, до боли в голове, думал. Вопросов стояло много. Ответов на них пока не находилось.

Нет, сразу все ему не решить. Надо бы сначала ему определить для себя главное. Ехать ему домой или не ехать...

А что делать потом, в том или ином случае, по порядку – вопрос другой. Его он решит во вторую очередь.

Если не ехать, то он неминуемо сожжет за собой все мосты, порвет все свои связи с прошлым. От него, как от чумного, как от проказы, отвернутся все родственники и знакомые.

Никто ему не простит, несмотря на то, что именно и конкретно у них с Диной между собой ни происходило бы, того, что он даже не приехал посмотреть на свою дочку.

И тут он спросил себя, хочется ли ему самому взглянуть на нее, на свою дочь. Отчего при одной мысли о девочке начинал гулко постукивать его внутренний моторчик? Но дома ему волей-неволей придется общаться с Диной, снова смотреть ей в глаза.

И что он увидит в них? Злость, разочарование. А может, и презрение? Он ничего про нее не знает. Прошло столько времени. Вспомнив, как без оглядки отослал ее письмо, он заскрежетал от отчаяния зубами, жестоко проклиная себя за собственное ослиное упрямство и непомерную снобистскую глупость.

Скорее всего, в послании она написала ему про себя. Прочти он письмо, и не было бы сейчас мучительно больно за совершенные после поступки. И речи не могло идти об отношениях с Маринкой. И все стало бы намного проще. А теперь... Не сдержавшись, Рэм застонал от боли, засевшей глубоко внутри и рвущейся наружу.

Вернувшись через час, Сашка увидел застывшее и посеревшее лицо друга, с выступившими скулами, и встретился с его тяжелым сумрачным взглядом. Перед Рэмом на столе лежал лист бумаги с написанным рапортом.

– И что ты решил? – спросил Сашка, хотя отчетливо наблюдал перед собой ответ. – Написал?

– Поеду, посмотрю, поздравлю и уеду. Скажу дома всем, что у меня отпуск всего на десять суток.

– Как? Как ты сказал? – Сашка не врубился и с удивлением посмотрел на него. – Как уедешь? Куда?

– Мы с ней разошлись. Навсегда, – медленно, чеканя каждое слово, произнес Рэм. – Для всех будет лучше, если я не задержусь.

Григорьев укоризненно покачал головой:

– И куда ты поедешь?

– Куда? – по губам Рэма расплывалась горькая усмешка. – Хоть куда. У нас в стране мест, что ли, мало, где еще можно прилично отдохнуть?.. По Волге можно запросто прокатиться туда и обратно.

– Ну, ты и дурак! – Сашка покачал головой. – Ну и упрям же ты, братец, однако. Тебя за то судьба и наказывает. Ладно, чего сидишь. Беги и подписывай свою бумажку, пока поезд не ушел.

Кочевавший от одной инстанции к другой, рапорт, в конце концов, начальники подписали. Дал свое разрешение и командир полка. Дело оставалось за загранпаспортом.

– А твоего паспорта у нас нет, – огорошили его в отделе кадров. – Он в дивизии. Они еще осенью паспорта всех лейтенантов собрали, – майор с сочувствием посмотрел на Рэма.

И у того вспышкой промелькнула мысль: «Приехали...».

Со всех ног Рэм кинулся за помощью к Двуреченскому, начштаба полка. Коротко, в двух словах, объяснил ему суть дела.

– Спокойно, Валишев, не кипятись, сейчас мы разберемся, – подполковник, доброжелательно улыбаясь, решительно взялся за трубку телефона. – «Иволга», соедини-ка меня с «Каленым»... «Каленый», дай мне начальника штаба... Виктор Федорович...

Стоя рядом, Рэм слушал, напрягаясь от волнения.

– Валишев, – начштаба положил трубку в свое гнездо, – все в порядке. Завтра с утра подъедешь в дивизию к девяти и заберешь. Команда у них, кому следует, дана. А ты волновался...

Рэм вздохнул. Был ли то вздох облегчения или то, может быть, было что-то другое? Но колесо закрутилось, не остановив. Теперь ему хода назад не оставалось. Да, на сегодня он сделал, вроде, все. Или еще нет? Не все! Как же он совсем про подарки забыл? Надо ему вещички для дочки-лапушки купить. И лучше, если покупками займется женщина. Сам он лично ничего не смыслит. Можно попросить подобрать подарки жену Грибкова, Ирину...

– ...ты понимаешь, тут такое дело...

– Я все куплю, – Ира с готовностью восприняла его не совсем обычную просьбу. – Скажи, на сколько денег могу я рассчитывать?

В ответ молодой отец небрежно махнул беззаботной рукой:

– Да мне, Ирина, особо без разницы. Полный комплект всего, что можно, и больше. Тебе лучше знать. Деньги? Тут две тысячи марок. Если не хватит, я потом еще добавлю...

Подходя к двери своей коммуналки, Рэм вспомнил, но поздно. Упустил он вовсе из виду то, что у Маринки проклюнулись выходные, и то, что она нехстати болтается в городке. Представил себе парень, какой разговор его ожидает, и невольно поежился.

– Рэм, ты чё, едешь? – в упор спросила она. – Скажи только: «да» или «нет», – горящий взгляд прожигал насквозь и требовал немедленного ответа. – Рэм, пожалуйста, скажи мне всю правду.

– Да, еду, – кивнул он головой и медленно отвел свой взгляд в сторону. – Извини, Рина, я не могу не поехать.

– И чё будет дальше? – женский голос дрожал, а глаза влажно поблескивали. – Чё будет со мной? Ты ее увидишь и не сможешь от нее уехать. А я, как же я? Ты про меня подумал?

Именно этого вопроса он боялся больше всего. И как ответить, не обидев и не оскорбив человека, с которым столько связано...

– Я не знаю, Рина. Сам не знаю, что со мной будет. Я понимаю, любое, что я ни скажу тебе, будет выглядеть дико. Все слишком запутано. Пока я собираюсь съездить домой и посмотреть на дочку. Всего на несколько дней. Потом уеду. Я намерен так поступить, – добавил он, посмотрев ей в глаза.

– Ты, Рэм, не сможешь уехать, – обреченно произнесла она, расстроившись, а на глазах у нее появились беспомощные слезы. – Не надо, Рэм, себя обманывать. Я знаю тебя. Ты никогда не сможешь уйти от нее и от своего ребенка. Если только она сама не прогонит тебя, насладившись твоим беспомощным видом. Но и это не в ее правилах. Она не давала бы тебе телеграмму, – Марина, перебирая варианты, тщетно искала в них свое будущее место, но найти его не могла. – На подлость она не способна...

– Рина, подожди, – Рэм крепко сжал ее ладони в своих руках.

Глядел он в расширенные скорбные глаза Маринки, сердце его разрывалось на куски. Видать, крепко он успел за все прошедшие месяцы прикипеть к ней.

– Зачем заранее говорить о том, что еще неизвестно?

– А-а-а, – она, вздохнув, махнула рукой. – Ничё не изменишь. Ты был прав, когда говорил, что у нас с тобой нет будущего. Я могу отвезти тебя на машине. Куда тебе завтра ехать?

– Нет, Рина, я поеду один, – твердо ответил он. – Так будет для нас лучше. Не будем рвать друг другу души...

Понимал он, что в подобных случаях терзания, упреки никогда ни к чему хорошему не приводят. Через нечто схожее он проходил.

Лишь в том случае, когда возникала необходимость срочно попасть в Темплин, где располагался штаб дивизии, только тогда приходило понимание того, какая там, на самом деле, дыра, до которой нелегко добраться и откуда еще труднее выбраться.

И сам военный городок стоит на отшибе. Невольно возникала, закрадывалась крамольная мысль о том, как живут люди вдали от всех мало-мальски на что-то похожих признаков цивилизации.

А Рэм брал их артполк и сравнивал его со всеми остальными частями дивизии, и выходило, что живут они, чуть ли не в самом центре. От их городка и Берлин почти рядом, а Потсдам, тот просто под боком находится.

В девять часов утра Рэм, как штык, замер у дверей кабинета в отделе кадров дивизии. Паспорт ему выдали сразу, не задавая вопросов. По всему чувствовалось, что у них хорошо сработал предварительный звонок большого начальника. Дали расписаться в получении документа. Первую часть дела он провернул. Теперь ему предстояло выбраться из лесной глуши. И унести свои ноги из густой чащи как можно шустрее...

Своей пружинистой походкой Рэм успел пройти, наверное, не меньше километра по дороге к железнодорожной станции, когда его обогнал и неожиданно остановился командирский Уазик.

– Прыгай, братишка...

Может быть, на прапорщика, сидящего на месте старшего, магически подействовала его голубая парадная шинель, которую он надел по случаю первый раз в своей жизни. Носить ее в полку было негде. А может, так поступали из простого человеческого желания облегчить нелегкое бытие жителей затерянного в лесах городка.

– Конец подкрался незаметно...

Рэм с унылой растерянностью смотрел на расписание движения электричек. Следующий поезд отходил только в час дня. Сегодня, увы, он никуда не успеет. Там, где оформляли визы, принимали до двух, после чего прием документов прекращался.

– Вот засада...

Еще не теряя всей надежды, парень заглянул на автовокзал, так удобно примостившийся за углом, рядом. И там картина оказалась не лучше. Было от чего призадуматься. Если отложить его дело на следующий день, то потеряются целые сутки, а времени у него и так в обрез. И нет никакой уверенности в том, что непредвиденная заминка не приведет к полному краху его затеи...

– Не было печали, черти накачали...

Его бесцельно блуждающий взгляд наткнулся на подъехавшее такси. Может, плюнуть ему на все, махнуть на тачке? Прокатится по пол-Германии с ветерком. А что? Спрашивается, чего он себе голову ломает? Главное – согласится ли на поездку таксист...

А водителя несколько не смутил тот факт, что придется ехать за пару сотен километров. Его интересовал вопрос о наличии денег у русского офицера в достаточном количестве. Увидев сотенные купюры в руках пассажира, он вмиг согласно кивнул головой. «Волга» рванула в сторону Эберсвальде...

Еще полчаса кружили они по городу и никак не могли найти то место, где находится нужное ему здание. Один из них двоих оказался совершенно непонятливым. Рэм хорошо помнил, как туда добираться, но только пешком и лишь со стороны вокзала. В конце концов, он попросил высадить его у вокзала и дальше до пункта назначения добирался сам... на своих двоих... и нашел...

В пять часов вечера он стал счастливым обладателем своего паспорта с открытой визой. Можно было отправляться в обратный путь. И ехать он решил по другому направлению, минуя Темплин, который его, какое счастье, больше совершенно не интересовал.

За прошедшие сутки Рэм так сильно устал и вымотался, а пара кружек отменного пива столь расслабляюще подействовала на его организм, что он проспал свою остановку и доехал до Потсдама. А на конечной станции его вежливо разбудил заботливый проводник.

Туго соображая со сна, Рэм вышел, двери вагонов закрылись, и состав пошел обратно, в нужную ему сторону. Он одно лишь успел, что выругать себя за полную бестолковость. Сплюнув от досады и укоряя себя за смороженную им совершенную глупость, парень спустился на автостанцию, сел на автобус. Намного дольше, но за неимением лучшего. Поздно ночью добрался он до своей двери...

Отпускной билет находился у него на руках. Ира Грибкова купила все, что он просил. Ничто его больше не держало. Маринка настояла и отвезла его на станцию, прихватив с собой и Сашку. Какой смысл имелся у Рэма отказываться от ее помощи, переться пехом несколько километров с чемоданами на руках? Никакого...

Глядя поверх провожающих его друзей, Рэм машинально махнул на прощание рукой, а мысли его бежали далеко впереди. Что его на родине хорошего, а может и скорее, скверного ждет?

Нервно покусывая губы, Маринка стояла, готовая разрыдаться на виду у всех. Сашка подошел к ней и взял ее за руку.

– Что, Марина? – он посмотрел в ее печальные глаза. – Если честно, то я даже не знаю, что тебе сказать и как тебя утешить. Ты стала близка и дорога мне, как друг. Но и Дина мне не меньше дорога. А за Рэма и говорить не стоит. Интересный треугольник вышел. Третий неминуемо окажется лишним, – Саша сочувственно посмотрел на нее. – Рэм говорил мне, что он дома не собирается надолго оставаться. Может все еще...

– Он мне тоже сказал, но я ничему не верю, – Марина окинула Сашку своим потерянным и по уголкам серых глаз скептическим взглядом. – Он не сможет от них уехать. Слишком хорошо я их обоих знаю. Стоит им увидеть друг друга, взглянуть прямо в глаза, как... – она

с пугающей обреченностью во взгляде тихо покачивала головой. – Он нисколько ее не разлюбил. Напрасно я надеялась...

Низко опустив голову, женщина потерянно пошла по перрону. Не в добрый час она решила для себя, что Рэм может принадлежать ей. Пришла неминуемая и горькая расплата, настигла ее...

2

Серая неприметная «Волга» доставила Пестикова до штаба Группы войск. Борис пешочком прошелся до гостиницы. У него в запасе до отправления поезда оставалось чуть больше шести часов.

– Заказать вам обед в ваш номер? – подобострастно улыбаясь ярко накрашенными губами, спросила дежурный администратор.

– Для начала организуйте мне сауну...

У Рэма не сразу, а постепенно возникало ощущение того, что, начиная с прошедшего дня, он объехал всю Германию, вдоль и поперек. А теперь ему предстояло добираться до Вюнсдорфа, где размещался штаб Группы, откуда шел прямой поезд на Москву.

Одна пересадка. Потом вторая. Шенефельд. Снова пересадка. У немцев поблизости столицы располагался крупный международный аэропорт, воздушные ворота Берлина. И, понятное дело, а как же в этом случае без него, выставлялся комендантский патруль.

– Предъявите ваши документы!

Рэма с огромным чемоданом немедленно остановили. Парень и не пытался маскироваться под местного жителя. В отпускном билете у него стоял штамп: «Проезд через Берлин разрешен».

Капитан, начальник патруля, улыбнулся и отпустил, пожелав счастливого пути. Когда все законно, к чему лишние придирки...

Так и на том капитану, хотелось сказать Рэму, спасибо. Что-что, а немного удачи ему не помешает. Таких как он, желающих уехать в Союз, оказалось немало. В кассу за билетами происходила запись на очередь. Люди сидели на вокзале сутки, а кто и двое...

Среди очередников Рэм сразу заметил знакомую ему молодую женщину, супругу майора Зимина, начальника службы ракетно-артиллерийского вооружения артполка.

– Давно стоите, Надежда Юрьевна? – спросил лейтенант не ради одного лишь праздного любопытства.

– Ох, Рэм, вторые сутки не могу уехать. Непонятно, что тут творится. Билеты продают, а очередь почти не движется...

Отмокнув в парилке, Борис поплавал в небольшом бассейне, больше, конечно же, похожем на квадратную ванну. Контрастный душ, и подполковник почувствовал, как к нему возвращаются силы, да и бодрости духа прибавилось.

– Обед мне в номер! – распорядился он.

Не спеша, Пестиков насытился, прилег на пару часиков. В пять вечера его разбудили. Он оделся, собрал вещи, позвонил. Молодой человек появился в номере, словно уже с самого утра ждал вызова. Персонал гостиницы обучили, старался он выше всякой похвалы.

С некоторых пор Борис привык к комфорту. Детство у него выдалось весьма трудным, со временем достигнув определенного положения, Пестиков старался брать от жизни по максимуму.

– Отнесите вниз и вызовите мне машину...

Зачем ему, спрашивается, тащить самому свои вещи, если для этого существуют носильщики, получают за свой труд зарплату. Не все про то знают, потому и не пользуются, сами прут чемоданы.

На вокзале Пестиков первым же делом оглянулся по сторонам, профессиональным взглядом профильтровал толпу. И просветил ее рентгеном вовсе не по укоренившейся привычке. Ему требовался попутчик. Бронь имелась на два места, а он убывал один. По залу метались люди, все хотели ехать. Растерянно смотрел в окошко лейтенант в голубой парад-

ной шинели, в руках держал телеграмму. Равнодушный взгляд Бориса скользнул по офицеру, не задержался.

Не то все, не то. Его глаза остановились на молодой женщине. Устало облокотившись на выступ стенки, она потерянно смотрела в угол, скорее, уже не надеясь на то, что сможет уехать. Минут пять у мужика ушло на то, чтобы составить себе первое представление о будущей попутчице. Не броская красавица, но мила. Скромна и, должно быть, умна. Правда, в житейских вопросах неопытна.

– Позвольте мне взглянуть на ваше требование, – негромко проговорил Пестиков, остановившись возле нее. – Я могу помочь.

Вздвигнув, женщина подняла на него свои миндалевидные, чуть раскосые глаза. Удивленно приподнялись полукружья тонких бровей. Борис успел отметить неброский, с чувством меры и собственного достоинства макияж и при близком рассмотрении по-спортивному подобранную, по-девичьи стройную фигурку.

– Вы, позвольте, следуете одна? – на всякий случай уточнил он, хотя и пребывал в том в почти полной уверенности.

– Да, я одна...

И ехала она, как быстро определил Пестиков, до самой Москвы, что представлялось большой удачей. При определенном стечении обстоятельств их знакомство предполагалось легко продолжить, а при возможности попутно осуществить вербовку.

– Ждите меня здесь...

Показав свое удостоверение и назвав фамилию, Борис быстро оформил места. Правда, за Зимину Надежду Юрьевну, как было указано в ее требовании, ему пришлось доплатить разницу, так как ей полагалось обычное купе, а он брал билеты в мягком салоне.

– Пятый вагон у нас, – широко улыбнулся Пестиков, увлекая женщину за собой, – первое и второе места...

– Я вам так благодарна! – Зимина смущенно перебирала края вязаного шарфа. – Даже не знаю...

В самом деле, Надежда Юрьевна не представляла себе, чем и как ей следует отблагодарить своего неожиданного спасителя.

– Что вы! – на лице Бориса появилась великодушная улыбка, которая любого могла ввести в заблуждение. – Какие тут счета...

Рэм сунулся со своей телеграммой, а ему в ответ лишь мило улыбались и говорили, что случай у него не смертельный, ничего, подождет. У многих, видно, причины имелись куда уважительнее...

Причины были разные, а желание у всех имелось, похоже, одно – уехать. Но одного желания, увы, недостаточно. Протянутых рук с телеграммами оказалось не перечить. Их быстро выстроили в живую очередь. Рядом с нею образовалась цепочка рук с записками и талончиками от военного коменданта.

– Девушка, мне обещали! – необъятных размеров дама закрыла своим могучим и бурно вздымающимся торсом весь обзор.

В своей руке она зажимала квиток серого цвета со штампом на оборотной стороне. В ее заграничный паспорт предусмотрительно вложили купюру в пятьдесят марок. Для придачи веса записке...

– Я от Петра Петровича! – тряс козлиной бородкой щедедушный человек в круглых очках на носу.

Под конец над ним, над Рэмом, сжалились.

Когда свободных мест уже не осталось, а очередь почти так и не сдвинулась, и продажа билетов прекратилась, милая девушка за окошком, загадочно улыбаясь, предложила:

– Молодой человек, стоя поедете?

– А можно? – удивленно переспросил он. – Вы шутите?!

Ему показалось, что над ним иронично подтрунивают, желая слегка подсластить горькую пилюлю от досадной неудачи.

– Так вы, мужчина, хотите уехать? – два доброжелательно настроенных глаза пристально смотрели на него. – Или нет...

Всем своим видом она вопрошала: если он не хочет ехать, то к чему в таком случае весь птичий базар на разных языках.

– Очень хочу! – вырвалось у него, еще до конца всерьез не поверившего в свою удачу. – Очень хочу...

– Давайте ваше требование...

И на руках у него оказался билет, у которого в графе «Место» красовался прочерк. Вагон указали, а место – нет. Да, все мелочи, главное, чтобы ехать. А как, в его положении не особо-то важно.

Узнав, что он путешествует без места, проводница никак не удивилась. Рядом с ней тихонечко стоял такой же клиент. Значит, это для нее дело вполне обычное и привычное. Рэм улыбнулся.

Мелькнуло в голове, что по два человека, да в каждом вагоне, и сколько человек сверх нормы можно провезти. Интересный выход нашла железная дорога для увеличения пассажиропотока, не меняя количество подвижного состава. Молодая девушка в форменной одежде предложила им оставить пока их вещи в служебном купе.

Тук-тук-тук – стучали колеса.

Тук-тук-тук – отстукивало женское сердечко. Она ехала. И она до сих пор не могла поверить в свою удачу.

За окном давно потемнело, мужчина опустил штору, оглянулся. Обычное двухместное купе, увы, даже без умывальника. Минимум удобств. Две узкие диванные лавки, не идеально, но аккуратно застеленные чистым казенным бельем со штампами.

Мужской взгляд по ходу зацепился за тонкие длинные пальцы с блеклым маникюром. Женщина торопилась в дорогу или же просто не уделяет внимания таким мелочам. Значит, не из кокеток. Пальцы ее чуть подрагивали, волновались. И вся Зимина в напряжении, особенно мышцы лица. Крылышки с едва заметной горбинкой носа волнительно расширены, что могло говорить о скрываемой от всех и, прежде всего, от самой себя чувственности. Губки чуть поджаты от стремления не показать растерянности, овладевшей ею. Возле уголков рта собрались задумчивые морщинки.

– Думаю, никто нам теперь не помешает... – с двусмысленной интонацией произнес Борис, запирая замок.

И женщина поняла, покраснела, задышала чаще. Она ощущала его возбуждение, и сладкая истома охватывала ее. «Этого не может быть со мной», – мелькает у нее мысль, но уходит также внезапно, как и появляется. Пестиков ждал, что сейчас Зимина возразит или ироничной репликой ловко выпутается из нелегкого положения, выскользнет, выставив неприступный заслон. Случается такое...

– Я не знаю... – Надежда Юрьевна беспомощно моргнула.

Что она хотела сказать ему этим, Борис так и не понял. Зато он уяснил, что попытки с ее стороны перечеркнуть его намерения не последует. Перед ним находилась слабая и беззащитная женщина, нисколько неспособная оказать ему адекватного сопротивления. То ли из чувства благодарности, то ли еще по какой-то иной причине. А может, на дамочку оказывала магическое влияние его красная книжечка с гербом, с пугающей обывателей аббревиатурой.

– Вот и хорошо...

Не спеша, мужчина поднялся и подсел к Зиминной, положил руку ей на плечо. Она не шелохнулась. Свободной кистью Борис нырнул в вырез платья и нащупал грудь. Надежда Юрьевна охнула и покорно прикрыла глаза. Плечи ее обмякли. Мужской язык вел себя безупречно, ласково касаясь ее шеи, опускаясь все ниже.

Женщина с ужасом почувствовала, что ее белье предательски намокло, и ей становится крайне за себя неловко. Зимина послушно приподнялась, когда он стаскивал с нее одежду. Мужские руки жадно погладили все еще обтянутые скользкими прохладными колготами бедра. Глаза его жадно разглядывали тяжело налитые груди при столь узкой, почти девчачьей талии.

– Поцелуйте меня... – низким голосом выдохнула Зимина.

Слившись в потрясающе чувственном поцелуе, они настолько тесно прижались друг к другу, что он даже сквозь свою одежду почувствовал каждую складочку и жар ее тела. Одежда становилась лишней, и Борис торопливо разделся.

Раскинув руки, она ждала, а он все не мог насмотреться на ее тело. Из скромной раковины простенького платья совсем негаданно выпала чудесная жемчужина и ослепительно засверкала...

Изогнувшись в спине, женщина вскрикнула, дернулась, вся задрожала, успокаиваясь, затихла. Минут через пять она очнулась.

– Боже! Боже мой! Что со мной?

Пестиков заглянул в ее широко распахнутые глаза. В них вязко застыло удивление: как низко пала она! Как такое могло с нею случиться? Еще накануне она даже не могла представить себе, что с немислимой легкостью изменит мужу, первый раз в своей жизни переспит с другим человеком...

Тук-тук-тук – стучали колеса.

Тук-тук-тук – беспокойно отстукивало встревоженное сердце молодого лейтенанта. Ему и не сиделось, и не стоялось. Едва лишь вагон остановился, как он выскочил на перрон.

Знакомый вокзал. Именно тут он встречал Маринку. Вроде, и недавно то было, и в то же время настолько давно, словно в другой жизни, в той, что осталась за гранью...

– Вышли подышать, Рэм? – на искусанных губах у женщины смятенная улыбка, а в глазах растерянно подрагивающие слезы.

– Вам что, плохо, Надежда Юрьевна? – больше из чуткой и доброжелательной деликатности спросил у нее лейтенант.

От его взгляда не ускользнуло то, что Зимина кидает косые и чуточку испуганные взгляды в сторону занавешенного окна, из которого хищно проступал настороженный силуэт ее попутчика.

– Он вас обидел? – Рэм нахмурился.

Всхлипнув, женщина спрятала от него свои глаза, не ответила. Но он и так все понял. По ее виду. По ее растерянно распахнутым глазам, по несколько учащенному дыханию. По чувственным губам и пальцам, которые не находили себе места.

– Ах, оставьте вы меня в покое, не спрашивайте...

– Извините меня, Надежда Юрьевна...

До него дошло, что ему лучше не вмешиваться. Разберутся и без него. Вернее, уже разобрались...

До Бреста оставалось ехать чуть более суток. Скорый поезд Вюнсдорф-Москва мчался по восточной Германии. В одном из его служебных купе сидели проводницы, пожилая и полная Лера Петровна и ее напарница Наташа.

Если бы не униформа, Наталья Николаевна легко сошла бы за учительницу или даже врача. Красивая блондинка с приятными манерами, в прошлом библиотечный работник. На прежнем месте ей платили мало, и она без сожаления ушла.

Даже в дальней дороге, на их канительной работе, женщина постоянно следила за своей внешностью и всегда выглядела очень креативно, а облегающая форма проводницы лишь подчеркивала изумительную привлекательность ее фигуры.

Обслужив пассажиров, проводницы ужинали и в молчании пили чай. Внимательно присмотревшись к своей подруге, Лера Петровна участливо спросила:

– Что, накатило?

С ожесточенным выражением глядя в сумеречное окно, Наташа кивнула. Подобное с ней периодически происходило раз в два-три месяца, и тогда семья, женская верность, деньги – все уходило куда-то в небытие, и на поверхность выплывало одно неукротимое желание, совладать с которым она оказывалась не в состоянии. И женщина кидалась в него безоглядно, как кидаются в омут головой, зная, что иного выхода нет.

– Вижу. И кто? Приличный человек, с деньгами? Молчу, молчу, – тут же замахала рукой Лера Петровна, хорошо зная, что за ее словами последует вспышка длительной обиды на нее.

Однако, собрав со столика и направляясь мыть посуду, она укоризненно произнесла:

– В конце концов, ты же не миллионерша какая-нибудь...

Но Наташа уже не слышала, находясь во власти все сильнее охватывающего ее возбуждения.

Оставшись одна, она по привычке подкрасила губы, а перед глазами стоял молодой лейтенант, широкоплечий и стройный, с цепким взглядом и решительным волевым лицом.

При первой же встрече безошибочным инстинктом женщины она сразу почувствовала в нем страстного мужчину, способного доставить наслаждение. Инстинкт никогда не обманывал ее.

Наташа достала металлическую фляжку с коньяком и отпила два небольших глотка. В подобных случаях она всегда прибегала к его помощи: вино добавляло раскованности в любви.

В десять часов вечера, передав дежурство Лере Петровне, она с горящим от нетерпения взором поджидала лейтенанта возле своего служебного купе.

На ней был один лишь халатик, застегнутый на две пуговики. Ночник слабо освещал крошечное помещение.

– Заходи, лейтенант, посиди, в ногах правды нет, – улыбнулась она, приглашая Рэма. – Чайку попей.

Ничего не подозревающий парень устало вытянул ноги, взял со стола стакан, поднес ко рту. Сладкий и горячий чай пришелся ему по вкусу. Блаженствуя, лейтенант прикрыл глаза.

Тихо задвинулась дверь, сухо щелкнул замок. Обнаженная рука коснулась его плеча, и он вздрогнул, повернул голову. Короткий халатик едва держался на женских плечах.

– Не надо этого, Наташа, – мужская щека дернулась, по ней пробежала болезненная судорога. – Я не могу...

Увидев его глаза, наполненные болью, она быстро запахнула разлетевшиеся полы, туго затянулась шнурком.

– Я думала, ты из тех...

Немного помолчав, она добавила:

– Ездит тут один. Каждую неделю. Купе на двоих. Каждый раз с новой женщиной. Чего бабы липнут к нему, чем он их берет... А ты, выходит, не по этому делу...

– Извини, Наташа...

Достав чистые стаканы, женщина плеснула в них коньяк.

– Я, наверное, скверная баба. Как видишь, изменяю...

– Муж знает или подозревает?

– Даже не догадывается...

С ироничной усмешкой проводница поведала, что муж у нее исключительно положительный человек, иного секса, кроме одного традиционного, не признает – считает буржуазным извращением.

Одним словом, настоящий советский кандидат филологических наук, закомплексованный на так называемой порядочности. Секс для него – супружеская обязанность, не больше. Он увлечен своей филологией и счастлив. Как и всякой кабинетной крысе больших эмоций горе-мужику не требуется. Ей же иногда хочется сильных ощущений, хочется насладиться мужчиной.

– Поэтому и пошла в проводницы?

– Ты догадлив. Впрочем, до отгадки не трудно дойти. Ты... иди, уже все прошло. Лучше мне побыть одной...

Остаток ночи лейтенант прошагал по узкому коридору вагона, день прокоротал, то стоя возле окна, то сидя в ресторане.

Наступила последняя ночь. Лера Петровна выделила ему и его невольному товарищу по несчастью одну койку на двоих в своем служебном купе, пообещав утром в Бресте оформить им места до самой Москвы.

Действительно, билеты закомпостировали без особого труда.

Но внутреннее чувство не давало Рэму покоя и гнало, гнало его вперед. Он физически не мог и не хотел тащиться в поезде, ехать спокойно, никуда не торопясь. Рэм понимал, что, если рвануть до Москвы самолетом, то он одним махом выигрывает сутки.

Прощавшись с проводницами и поблагодарив их за заботу, Рэм забрал все свои вещи и сошел с поезда. Вперед, отбросив все сомнения в правильности или нет принятого им решения...

У выхода в город он столкнулся с попутчиком Зиминой.

– Что, брат, завидно стало? – Пестиков нехорошо улыбнулся.

Прошедшей ночью от его внимания не ускользнуло, как его женщина на одной из остановок прогуливалась с лейтенантом и, возможно, делилась своими впечатлениями или больше того.

– Мне завидовать вам не в чем, – сухо ответил Рэм. – Если вы – офицер, то такие, как вы, позорите честное имя офицера.

– Да, как ты смеешь, лейтенант! – лицо Бориса побагровело. – Ты хоть знаешь, кто я?

– Вы, – Рэм жестко усмехнулся, – один из тех, кто безжалостно ломает человеческие судьбы и делает это, бездумно и походя, по одному лишь вам известной прихоти. Вы – негодяй...

3

Не обращая внимания на то, что угрожавший ему человек все еще продолжал кидать ему вдогонку тяжелые слова, Валишев шел, не оборачиваясь и не сбавляя шага, смешался скоро с толпой, после чего с облегчением вздохнул. Разговор позитива ему не добавил.

Почувствовав, наконец, свободу действий, мысль заработала широко и вдохновенно. В первую очередь, ему надлежит еще в Бресте получить свои деньги по вкладной книжке, на которую ежемесячно исправно начислялась часть денежного содержания, выплачиваемого ему в рублях. По полному окладу в месяц...

Нелегко придется в Москве с поисками банка, где проводят операции по подобным вкладам. А тут, вот он, родной, стоит рядом и завлекательно подмигивает. И убежать никуда не собирается...

В банке извивалась очередь, сравнительно не такая уж большая. Через полчаса Рэм вышел из здания, ощущая себя в определенной степени богачом. Настало время без оглядки мчаться в аэропорт. Билетов в свободной продаже, естественно, не нашлось. Но, если ему всего немного доплатить, то, bitte, пожалуйста, на его рейс только что объявлена посадка: «...пройдите к стойке регистрации».

И лишь удобно усевшись в мягком кресле самолета и осознав это, Рэм с облегчением вздохнул. Так много всего спрессовалось в последних двадцати минутах. Беготня от кассы к кассе, регистрация билета в самую последнюю минуту, когда кругом погасли цифры на информационном табло и у стойки.

– Лейтенант, продолжим? – мужская ладонь опустилась на его правое плечо. – Пойдем, поговорим?

По голосу, по интонации Рэм легко и быстро догадался, что за ним устроился тот самый попутчик Зиминной. Лера Петровна даже назвала его фамилию, случайно высмотрела документы пассажира, красную корочку со знакомой всем аббревиатурой из трех букв. Пестиков Борис Семенович.

– Я все вам сказал, – обернувшись, ответил Рэм и отвернулся.

– Ты еще пожалеешь... – донеслось до него.

От досады Борис стукнул кулаком по колену. Ничего, он еще достанет желторотого наглеца. Большого труда ему не составит разузнать все о ершистом лейтенанте и устроить тому пакость...

Два часа лету, они в Москве. Дождавшись, пока мимо него к выходу пройдет Пестиков, Рэм неторопливо поднялся, постоял, сам пропуская торопящихся пассажиров. Особого желая в очередной раз столкнуться с обидчиком Зиминной у него не имелось. В душе он надеялся, что в Москве их пути-дорожки, наконец, разойдутся и навсегда. Делать таким, как Пестиков, в Бугульме просто нечего.

Услужливые таксисты распахивали перед Рэмом дверцы своих авто, предлагая за совсем незначительную, по их мнению, сумму доставить с ветерком в любой уголок столицы. Усмехаясь, парень покачивал головой. До аэропорта «Быково», куда ему следовало перебраться, чтобы лететь дальше, он замечательно доберется и на обычном рейсовом автобусе практически за то же самое время, значительно сэкономя при этом энную сумму денег.

Дома Пестикова ждала жена. Клара Карловна любила моменты, когда он возвращался из командировок и привозил подарки. Если мужу удавалось ей потрафить, то женщина разрешала ему отнести себя в их супружескую постель.

Шестилетний сын Володька в тот день предусмотрительно «отпрашивался» в гости к соседским детишкам или его забирала к себе Антонина Степановна, мать сослуживца

Пестикова, точнее, его непосредственного начальника. И никто не мог Кларе помешать вдохновенно поиграть в смущенную признательность.

Мужа своего она никогда не любила, вышла замуж по одному расчету. Внутреннее чутье еще на втором курсе университета верно подсказало ей, что Борька с его способностями и талантами далеко пойдет. Да и родители настойчиво настаивали на их браке.

– Ах, я так тебя ждала! – радостно и без всякого притворства потянулись к мужчине женские руки.

В приподнятом настроении подполковник выложил подарки: брючный костюм для жены, чудные замшевые сапожки от фирмы «Саламандра», игрушечную железную дорогу для сына...

Частенько, находясь вдалеке от Клары Карловны, Пестиков задавался вопросом: что же именно особо привлекало его в жене? Он не мог назвать ее страстной женщиной. Как ему казалось, Клара долго заводилась, у нее был заторможенный, отодвинутый оргазм. И в свои самые первые разы, что его сильно беспокоило и смущало, жена с ним ничего не испытывала.

– Ах, ты такой милый! – женщина запечатлела на щеке мужа признательный поцелуй.

Горячее желание испытывать удовольствие вместе с женой и дарить ей радость со временем подсказало Борису единственно верный, на его взгляд, выход. Пробуя различные предварительные ласки, он дошел до куннилингуса, до предварительной стимуляции самой эротически чувствительной части женского тела.

– Давай! – Клара Карловна привычным движением раздвинула ноги и прикрыла глаза. – Приступай...

Ни разу еще во время их совместных игр она не смотрела на мужа, вечно отговариваясь тем, что сильно смущается. Может, она не хотела, чтобы Борис увидел то, что отражалось в ее глазах. Муж нашел способ, как практически насильно вовлекать ее в плотские утехы. Но над внутренним ее миром он оказался не властен.

– Клара! – мужчина с воодушевлением ринулся в атаку.

Стянув трусики, он жадно гладил гладкую кожу внутренней поверхности бедер, захватывая упругие полушария ягодиц. Утолив первый голод жаждущих прикосновений, всей пятерней вторгся в густые волосы, нырнул головой вниз, раздвинул пальцем влажные складки, раскрывая створки сладостной жемчужины.

– Нежно-нежно...

Несмотря на все усилия Бориса, женщина не смогла до конца настроиться. Ей пришлось немного поиграть, изображая бурную страсть. Под конец она благодарно выдохнула:

– Как хорошо...

То ли из нее вышла очень искусная притворщица, то ли муж был чем-то сильно озабочен, но Борис не уловил явной фальши.

Красный «Икарус» остановился, дверь со вздохом ушла вверх и вправо. Быково. Небольшое здание аэровокзала. Аэропорт местного назначения. В нем все несколько попроще и толчеи побольше. Собрались до одной шумливой кучи, кто летит в сторону Урала.

Снова Рэм мысленно приготовился к штурму билетных касс. Но тут, к его полному изумлению, на нужный ему рейс, и какой же приятный сюрприз, имелись свободные места. Невероятно! Трудно поверить! Только факт, оказывается, вполне объяснимый.

– Рейс №... – предложили ему в кассе. – Вылет в 0.40...

Не каждый, если проникнуться духом путешествия, согласится лететь на допотопном и тряском АН-24 с двумя промежуточными посадками. Да еще ночью, на всю длину которой растянется полет. Лучше отправиться утром прямым рейсом на ЯК-40, что намного ком-

фортнее и быстрее. Без всяких посадок по пути следования. Не каждому растянутый во времени круиз по душе...

А ему все как раз подходит. По тому самому времени. Один черт, ночью-то ему себя куда-то девать-то придется...

– Беру, беру! – парень согласно закивал головой.

С вожделенным билетом в руке он вышел на улицу. Рэм успел, заметил, что в последние дни вся его жизнь напоминала странный рваный бег. То он мчится, сломя голову, во весь опор, то не знает, куда девать появившееся в огромном излишке время.

Хотя, неплохо бы вышло, пришло Рэму на ум, если в город он смотается. Парень прищурился то ли от светящего в глаза солнца, то ли от посетившей его вовремя заманчивой мысли.

А почему, собственно, и нет? Никуда не спеша, пройтись по Калининскому проспекту, заглянуть в магазины и удостовериться в том, что их столица еще дышит. Заодно фруктов чуток прикупить. Посмотрит он, может, что путное по пути встретится...

Отметившись, как всегда, для приличия на Красной площади, Рэм пошел по бывшему Арбату, то ли Новому, то ли Большому. Прогуливался он и попутно не пропускал ничего, что могло бы его заинтересовать.

Не обделил Рэм вниманием «Малахитовую шкатулку». Увидел, он и больше не смог отвести своих глаз от одного чудного колечка с небольшими камешками по всему кругу. Как замороженный смотрел парень на него и все глядел. И когда его окликнули, что-то подсказали, попросил он выписать чек и оплатил.

Вышел на улицу и только там Рэм очнулся. Нет, не уплаченная им сумма взволновала его. Его смутил сам факт совершенной им покупки. Когда-то парень мечтал подарить своей Дине нечто подобное. Но раньше ему ничего не попадалось, да и денег, честно сказать, у него на ту пору не водилось в достаточном количестве.

Но для кого он, окатило его ледяной водой, купил колечко? Если он не собирается ни с кем мириться? Его внутренний порыв оказался сильнее, проворнее на минутку зазевавшегося разума.

Вот попал он, так попал! Встрял в кизяк обоими лаптями...

Лихорадочно пытаюсь найти выход, Рэм озадаченно покачал головой. Может, ему пойти назад и вернуть? Пока еще не поздно?

А само колечко ему так понравилось, что уже не хотелось с ним расставаться. Махнул Рэм рукой, была бы вещь, а применение ей при желании всегда найдется.

Мысль едва лишь постучалась, а парень тут же мгновенно за нее ухватился и успокоился. Запас карман не тянет...

По крайней мере, у него растет дочка, которая впоследствии вполне может взятое кольцо носить. А можно подарить его Дине в честь рождения дочери. Как-никак, а именно она родила ему дочь. Дина-Дина. Опять у него все мысли только о ней. Ах, Дина-Дина...

Подарит ей колечко и сразу уедет. Что и станет решением всех его проблем. И никто потом не сможет упрекнуть его в черствости, бездушии и черной неблагодарности. Да, так он и поступит...

Старушка «Аннушка» в полете вся мелко тряслась, двигатели натужно гудели, невыносимо давя на уши. Казалось, перепонки вот-вот не выдержат и лопнут. Но парень ничего не чувствовал, просыпался, будимый стюардессой, для того чтобы покинуть салон на время дозаправки. Взлет-посадка. Взлет-посадка.

Под утро сели в Бугульме. Попав на рейсовый автобус, все ж не решился Рэм выйти по пути в Бавлах, чтобы, хотя бы на минутку, зайти к себе домой. Прикрыл глаза, дождался отправления дальше по маршруту и лишь тогда посмотрел по сторонам, где слева и справа мимо его взгляда пробежали с детства знакомые ему места.

Поехал он напрямик в Октябрьский, оправдывая себя тем, что бережет время. А если выписка произойдет именно сегодня? И он может не успеть, если заедет к себе домой. Уговорил свою совесть. При сильном желании оправдание себе всегда найдется и не одно.

Показался давно знакомый ему автовокзал. Несчитанное число раз Рэм приезжал на эту станцию. За многие годы вокзал стал ему, как родной, будто появился на свет в нем и вырос.

Сложив в отдельный пакет приготовленные вещи из большой сумки, он закинул ее в автоматическую камеру хранения и пошел пешком, минуя городской рынок, длинный проспект Ленина, двигался споро, подгоняемый всевозрастающим волнением.

С утречка Пестиков двинул на работу. В течение нескольких часов он составлял отчет, все время ждал звонка. Он не сомневался в том, что его милая попутчица обязательно еще напомнит о себе. Потому как Борис кое-какие шаги для продолжения их знакомства предусмотрительно предпринял, накануне не поленился, позвонил нужным людям и попросил притормозить решение всех вопросов со студенткой Зиминой до определенного момента.

Городской телефон выжидаяще безмолвствовал, а едва часовая стрелка отошла от цифры «11», неожиданно проснулся и смущенно залился мелодичной трелью.

– Борис, – донесся из трубки растерянный и наполненный обидным разочарованием женский голосок, – у меня ничего толком не получается! Говорят, что я опоздала! Прикинь, а?

– Ты... откуда звонишь? – по лицу Пестикова разливалась довольная улыбка, он весь просиял.

Как Борис и предполагал, все сработало. Женщину вынудили обратиться к нему за экстренной помощью. Они договорились заранее, что при надобности Зиминая свяжется с ним. А он по возможности примет участие в конструктивном решении всех ее неотложных вопросов.

– Я из номера гостиницы...

О том, чтобы забронировать ей место в «России» позаботился Борис. Гостиница очень удобно располагалась в двух-трех шагах от места его работы и трех-четырех – от его квартиры. Цена – это уже второй вопрос, который улаживался легче всего. Оплату номера производит их ведомство по своей статье расходов. Имелась у них и подходящая лазейка – работа с агентами...

– Жди меня, я к часу подъеду...

Одного его звонка в деканат института оказалось достаточно, чтобы снова запустить приторможенное колесико в действие. Ему клятвенно обещали, что к студентке Зиминой проявят человеческое понимание и окажут ей всестороннее содействие.

– Ё... моё! – Борис посмотрел на часы и заторопился.

Скомкав последнюю часть докладной записки с выводами и предложениями, подполковник торопливо выстукал на печатной машинке завершающий абзац, выдернул листок, пробежался по нему глазами. Сойдет и так. Пестиков давно склонялся к тому, что его писанину толком никто не читает, особо созданной им сетью наверху не интересуются. Порой у него складывалось впечатление, что он работает или вхолостую, или его вслепую используют в чьей-то замысловатой игре, как пешку, как отвлекающий маневр.

– И хрен с ними! – Борис пристукнул кулаком по столу.

Главное, что именно его все устраивало. Еженедельные поездки за «бугор». Возможность очередного знакомства с симпатичной особой, завязывания скоропалительного «романчика». И оплата его труда в иностранной валюте...

– Главное, чтоб «бабки» шли и часовой стоял, – закрывая кабинет, довольно фривольно ухмыльнулся Борис. – Пограничник на посту. На опушке, посреди густого леса...

Несмотря на то, что день у них шел рабочий, хоть и короткий, в коридорах стояла тишина. Иностраный отдел. Большинство всегда в разъездах, а кабинеты начальства находились этажом выше. Там и полковник Юзов сидел, протирая штаны, там и его Клара Карловна работала со всеми многочисленными бумажками.

Дверь 711-го номера открылась, стоило ему чуточку легонько поскрестись. Надежда Юрьевна подняла на него миндалевидные чуть зауженные глаза, наполненные тревожным ожиданием.

– Все будет, Наденька, хорошо! – широкой улыбкой обнадежил женщину Пестиков, шагнув к небольшому столику, водрузил на него пакет с покупками, которые успел сделать в «Елисейском», где он отоварился в одной из подсобок.

Одного взгляда на Зимину ему хватило, чтобы сразу понять, что женщина однозначно к его приходу подготовилась. На личико нанесли макияж, волосы уложили в новую прическу. Коротенький халатик, а под ним угадывалось кружевное белье. Лепота...

4

Задумчивая Дина бродила по больничному коридору. Двадцать шагов в одну сторону и двадцать шагов в другую. Мимо проходили медсестры, шустро сновали санитарки. Грузно, как утки, вальяжно переваливаясь с ноги на ногу, степенно прохаживались еще не родившие пациентки. Некоторые оглядывались на нее, украдкой показывали пальцами. Но она не замечала их, напряженно думая о своем. Только одно, одно на всем свете волновало и мучило ее.

Если Рэмка надумал к ним приехать, то ему, по ее подсчетам, надлежало появиться у них в течение дня, в крайнем случае, на следующее утро. Слишком хорошо она его знала, его характер, его деятельную натуру. Но появится он, если надумает приехать. В ее незавидном положении оставалось единственное, что ждать.

Томящая душу неизвестность сильно угнетала. Ее остановили, пытались ей что-то втолковать. Едва ли не с третьего раза до Дины дошло, что к ней пришел незнакомый им всем в палате парень.

Ожив, она встрепенулась. Сразу мелькнула мысль, что то мог быть единственно он. В этом городе у нее знакомых наперечет.

Быстро развернувшись, Дина рванулась к палате и подбежала к окну. Она не ошиблась. Там стоял он, родной и одновременно весь чужой. Радостное чувство охватило ее и вылилось наружу.

– Рэмка, Рэмка, родной мой, ты приехал! Рэмка, Рэмка, ты приехал... – она позабыла про все остальные слова, они разом улетучились при виде приехавшего дорогого и любимого мужа.

От волнения у Рэма на секунду потемнело в глазах, и во все стороны побежали круги. Милое, до бесчувствия любимое лицо. Как же ей, бедной, досталось! Бледная, ни кровинки. Как же ему хотелось прижать ее к себе. Но Рэм надавил ногой на свои чувства. «Стой, постой, горшок пустой!» Что-то он расчувствовался не по делу. Он не за этим пришел.

– Здравствуй, Динара, – сухо произнес Рэм, в ровном голосе его не улавливалось ни малейшей интонации.

Словно с разбегу налетев на каменную стену, Дина, оцепенев, замерла. Так официально, полным именем, он ее никогда еще не называл. Ни разу в жизни. Она замечталась и совершенно забыла о том, что именно она с явным нетерпением ждала его приезда. А с каким настроением, с чем он приехал, она не представляла себе.

Попыталась Дина заглянуть к нему в глаза и прочитать его мысли, как она обычно и всегда с большим успехом проделывала. Нет, проверенный фокус ей не удался. Его направленный на нее в упор настороженный взгляд ничем не пробивался. На его глазах застыла неподвижная защитная пленка. Он и не отворачивался, и не шел на контакт с нею. И весь он стоял холодный, далекий и чужой. Он стал чужим, совсем чужим. Горький комок подкатился к горлу.

– Динара, это тебе, возьми, – Рэм протянул ей пакет, который все время держал и машинально крутил в руке, совершенно не зная, что с ним делать, куда его приткнуть. – Поправляйся...

– Спасибо, Рэмка, – она осторожно втянула кулек в форточку.

Кинула Дина передачу на тумбочку, быстро смахнула слезинку и, глубоко вздохнув, повернулась к мужу:

– Рэмка, меня завтра выписывают.

– Хорошо, Динара, – согласно моргнули мужские ресницы, – я приду. Не стой у окна. Можешь простудиться.

Махнув ей рукой, он начал поворачиваться, собираясь уходить, и Дина поняла, если муж уйдет, то больше она сегодня его не увидит. Не увидит и не успеет сказать самого главного...

– Рэм... – протянула женщина упавшим голосом.

– Я слушаю, Динара, – он повернул в ее сторону одну голову.

Хмурый неприветливый взгляд его холодных и колючих глаз заскользил по темнеющему проему окна, пока не наткнулся на белеющее в нем женское лицо той, которую он любил больше всего на свете, но все пути к которой для него оказались, увы, заказаны.

– Рэм, – Дина вздрогнула от обдавшего ее ледяного холода, с трудом нашла в себе силы передать то, что хотела, – приходи через сорок минут. Я покажу тебе дочку.

– Хорошо, Динара. Я приду, – все так же спокойно ответил он, отвернулся в сторону и, не оглядываясь, зашагал.

Провожая мужа взглядом, женщина тяжело вздохнула. Марат оказался прав, когда говорил, что, если Рэмка и придет, то, может, совсем уже другим человеком. Нет, неправда! Она никогда и ни за что этому не поверит. Так не может быть! То была его маска. На нем были его защитные доспехи, покрывшиеся ледяным налетом! Надо скорее сколоть колючую корку с него. Да, пусть он стал, стал другим. Но хуже, чем был, он стать не мог, не мог, не мог...

Покачивая головой, Дина машинально разворачивала пакет. Глянула и чуть не ахнула. Бананы, гранаты, яблоки. Соки, шоколад, сушеные фрукты, так всегда ею любимые. Она не сдержалась, и слезки закапали по хрустящей упаковке. Где он сумел все это для нее добыть? У них в магазинах ничего подобного нет, в них, хоть шаром покати. Разве его забота ей ни о чем не говорит? В душе он остался прежним, чутким и любящим...

Далеко Рэм не ушел. Дал небольшой круг и вернулся назад. Сел на скамеечке в саду. Того, что он так долго и упорно добивался от себя, не случилось. Как ни старался, он не смог ее забыть. Он сжег все ее фотографии, чтобы ничто не напоминало ему о ней. Но при одном взгляде на нее, у него в душе все вмиг перевернулось, внутри все задрожало и потянулось навстречу к ней. И ему стоило большого труда удержать себя в руках, выдержать холодно строгий и равнодушно безразличный тон.

Ему показалось и, наверное, оно, все-таки, так и было, что в ее лучистых глазах горела искренняя радость оттого, что она его видит, которая, правда, сменилась недоумением и разочарованием после его холодных слов. Он все еще любит эту женщину. Любовь, загнанная им насильно глубоко внутрь, теперь снова поднималась, расправляла свои насильно свернутые крылья, распаяя его сердце, уставшее от долгого одиночества...

Вытянув перед собой, Дина показала ему крохотную дочурку с нелепым зеленым пятнышком на лбу, должно быть, от сглаза. Спазмы в один миг перекрыли все его дыхательные пути.

Напрягшись, Рэм стоически выдержал мучительную пытку, не дав воли своим чувствам, галопом рвавшимся наружу. Девочка чуточку похлопала черными глазенками, чудными, роскошными, большими, точно такими, как у него в детстве, и убаюканная, сытая и довольная уснула на руках у матери.

Время вышло, и маленькое чудо, поразившее его, унесли. А он все еще стоял, долго не выходя из состояния оцепенения.

А Дина видела, как на одно мгновение его глаза раскрылись, восторженно вспыхнули от радости и восхищения, но потом потухли, когда он, наверное, смог справиться со своим волнением.

Не так уж и крепка, как оказалось при первой же проверке, его броня, его ледяная защита. Есть в ней слабые места, есть...

– Динара, поговорим обо все завтра, – он, наконец, очнулся, махнул ей на прощание рукой и ушел.

Не бродила больше Дина, не выхаживала по коридору. То, чего она долго ждала, произошло. Присев на кровать, она достала из тумбочки банан. Сей заморский плод она, честно сказать и стыдно даже признаться, держала в руках впервые в жизни. Срамота...

Даже у них на Юге бананы ей не встречались. Ах, как вкусно! И он специально все привез для нее. Он... и для нее...

Пусть все вышло чуть не так, может, совсем не так, как ей хотелось бы. Но главное, что он, все-таки, приехал и никуда теперь не денется. Завтра она с ним все окончательно решит.

Ждать ей осталось совсем недолго. Много больше она ждала. Ничего, все у них наладится. А сейчас ей ни в коем случае нельзя волноваться. Все окончательно решится завтра. Да, завтра. А пока она полакомиться тем, что он для нее принес.

После пяти вечера к ней подошли Марат и Рита. Дина им все подробно и обстоятельно поведала.

– И где же он бродит? – недоумевал Марат. – К нам не зашел. Дорогу забыл, что ли? Ладно, Рита, поедem. Может быть, он сейчас у наших дверей стоит, бедолага, хозяев дожидается. Деваться ему все равно, как мне кажется, некуда. Если только Рэм к себе не уехал. Но ночевать он к нам должен вернуться. Я так думаю! – брат мужа шутливо поднял вверх указательный палец.

Хоть и скреблись дикие кошки на душе, Дина не удержалась от улыбки. Ну, ни дать ни взять, а вылитый Мкртчян...

С волнением Марат поглядывал на свои часы. Время неуклонно подбиралось к десяти, а братец куда-то запропастился. И, похоже, что он, неприкаянный, с утра свою дочку забирать не собирается...

– Тебя где черти носили? Ты куда пропал? – накинулся хозяин на гостя, появившегося на пороге.

– Пропал? – Рэм удивленно посмотрел на брата. – Я что, кому-то и что-то обещал? Откуда тебе известно о моем приезде?

– Здравсте, я ваша тетя. А кто тут, интересно, в твое отсутствие за твоей брошенной тобою женой присматривает, а?

И по выражению его наполненного праведным негодованием лица гость осознал, что все заботы, само собой разумеется, легли на Ритку и ее мужа. Можно более ни о чем никого не спрашивать...

– Вы были у нее, – Рэм немного смутился. – Извини. Я сегодня туго соображаю, – он виновато улыбнулся.

– А тебе не кажется, Рэм, что у тебя с головой с прошлого года чуточку плохо, а? – язвительно выплеснул Марат, для наглядности крутанув пальцем возле виска. – Совсем плохо, дорогой...

– Возможно, – Рэм не спорил, на это у него не оставалось сил. – Но ты, брат, все равно давай, полегче на поворотах. Если тебе не нравится, то я могу повернуться и уйти...

Для того чтобы у некоторых вдруг не возникло сомнений, гость легонько и показательно дотронулся до дверной ручки.

– Вот-вот, – Марат, четко прочитав в его глазах непреклонную решимость, еще больше завелся. – Уйти у тебя, как я вижу, отменно получается. Хлопнул громко, понимаешь, дверь и оставил бедную девочку одну в чужом городе. Молодец! Герой!

– Эта бедная девочка сама выгнала меня, – Рэм занял глухую оборону и ошетинился. – Не ставь все с ног на голову...

В душе он подспудно предчувствовал, что дома все настроены против него. Приехали одни на побывку, называется...

– Ну и что? Разве нельзя было все решить на следующий день? Один из вас двоих должен был оказаться умнее, стать выше всего. А вы? Что сделали? Что натворили? Бедная девочка!

– Не бедная она вовсе, – хмыкнул Рэм, понемногу сдавая свои позиции. – У нее еще оставался ты с Ритой. Все, давай, на сегодня хватит. Закрывай собрание, составляй протокол, подписывай...

Всем своим видом гость недвусмысленно показывал, что на данную тему разговаривать он больше не намерен. В противном случае он немедленно шагнет за дверь.

– А где ты до сих пор бродил? – пробурчал хозяин, сбавляя обороты. – Ездил домой?

– В Бавлах в военкомате на учет встал. Да и с отцом моим за его новорожденную внучку стопочку пропустил.

– Нужное дело, – Марат кивнул головой. – А со мной ты пропустишь? Первачка? Домашнего, собственного изготовления?

Прищурившись, он еще ждал ответа от дальнего гостя, а рука его сама по себе вожде-ленно тянулась к дверце кладовки.

– Заманчиво, – намного веселее улыбнулся Рэм. – Повод у нас хороший имеется. Когда ты видел, чтобы я отказывался. Давайте, мы сначала решим все на завтра. Ты сам поедешь?

– Нет, – брат, задумчиво прищурившись, качнул головой, – раз уж ты появился, я лиш-ний раз отпрашиваться с работы не хочу. Ключи от машины я тебе оставлю. Таксуй...

– Как знаешь, – Рэм пожал плечами. – Дело хозяйское. Да, еще. Рита, я в этом деле совсем не разбираюсь. Ты посмотри, пожалуй, что мы возьмем в роддом с собой завтра, – он раскрыл сумку, принялся вынимать и разворачивать упакованные свертки на глазах у изум-ленной хозяйки.

Похлопывая ресницами, Рита все перебрала, профессионально отложив в сторону самое необходимое.

– Рэм, откуда богатство?

– Все оттуда, – прищурившись, усмехнулся он. – Из-за бугра...

Потом Рэм пояснил, что соседки по его просьбе покупали.

– Живут же люди. Везет же им. У нас простой вшивой пеленки днем с огнем не сыс-кать. А тут вам и конвертик, и шапочки, и распашонки, и пеленки. И такие и сякие, всякие и разные... – покачивала головой Рита, рассматривая вещи.

– Рита, а где она, вообще-то, собиралась жить с ребенком? – неожиданно спросил Рэм, словно невзначай вспомнив.

Интересно было ему знать, по какому сценарию развивались бы события, если бы он не приехал, не заявился...

– У нас в комнате... – невозмутимо ответил Марат за свою жену. – А мы пока у моих родителей перекантовались бы.

На несложный первый вопрос ответ нашелся легко, далеко за ним ходить не пришлось.

– И сколько она собиралась у вас оставаться?

Второй вопросик, на его взгляд, тянул на большую сложность.

– Недолго. Дина говорила нам, как ты приедешь, она с тобой вместе вернется обратно туда, в ваш город.

– Со мной?! – вырвался из его груди изумленный возглас.

Ему становилось занятно. Даже так! Да тут целый заговор! В его приезде некоторые нисколько не сомневались...

– Мы с ней все решили, – Рэм нахмурился. – Возвращаться в тот город я не собираюсь. Фенита ля комедия...

– Ты, Рэм, давай, пей и не ерепенься... – братская рука прижала его к стулу. – Ничего вы еще не решили. А то, видишь ли, надулись друг на друга, как маленькие дети, и разбежались. И думаете, что все, вся жизнь закончилась. Вернее, ты думаешь. Дина, к счастью, мыслит по-иному. Один ты, дурак, никак не уразумеешь...

Стоя в стороне, Рита не вмешивалась. Рэма у них в семье все любили и уважали. Порой она даже испытывала нечто похожее на благоговейный трепет, когда муж или Дина рассказывали про его уникальные способности легко и просто, играючи разобраться с любой каверзной задачей, мигом разложить все по полочкам и по частям перещелкать, как орешки. Однако жизнь, увы, не сплошная математика. И не все в ней подчиняется строгим законам логики.

Но, с другой-то стороны, и Дина была их общей любимицей. Оттого-то ее муженек, слегка подвыпив, и наезжал упорно на Рэма, разрываясь на две части от большой любви к двоюродному братцу и не меньшей привязанности к своей дражайшей невестке.

Наслушавшись пословиц и поговорок, Рита решила на время покинуть словесное ристалище. Забрав сына, она направилась к свекрови. Маленький Ринат с радостью зашагал вперед, крепко держа в руке крупный ярко-оранжевый апельсин.

Разошедшийся не на шутку, Марат неотступно и со страшной силой продолжал все наседать и давить.

– По-твоему выходит, что во всем виноват я? – Рэм задумчиво смотрел на своего разгорячившегося брата.

– Он еще спрашивает! Ты же знаешь ее характер лучше всех. Она в тот раз погорячилась. В такие моменты происходит проверка на зрелость. А ты, братец, не выдержал испытания. Ты повел себя, как настоящий трус, как дезертир. Ты малодушно уклонился от схватки и тылами на цыпочках покинул поле боя. Ты должен был стать выше своих личных амбиций ради вашей, заметь, любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.